

12+

Роксана Гедеон

Лилии над озером

Сюзанна-11

Роксана Гедеон
Лилии над озером

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Роксана Гедеон

Лилии над озером / Роксана Гедеон — «ЛитРес: Самиздат», 2014

ISBN 978-5-532-96201-9

1800 год. Для усмирения третьей шуанской войны, разгоревшейся в Бретани, первый консул Наполеон Бонапарт посылает на запад страны знаменитого генерала Гийома Брюна. Этот человек много лет назад был влюблен в Сюзанну де Ла Тремуйль. Что принесет он в ее поместье – предложение мира или месть за растоптанную в прошлом любовь? Сюзанне и ее мужу Александру предстоит пережить много событий: войну, арест, драматическое – на грани жизни и смерти – появление на свет их второго сына. Сюзанна не мыслит своей жизни без мужа – непримиримого роялиста. Однако Бонапарт протягивает всем аристократам руку дружбы, Париж манит светской жизнью, а министр Талейран рисует перспективы блестящей жизни при новом дворе... Устоит ли героиня перед соблазнами Консулата? Ведь Сюзанна всего лишь женщина, красивая и эмоциональная, а английский берег, к которому судьба неотвратимо несет их с Александром семейный корабль, окутан туманом неизвестности...

ISBN 978-5-532-96201-9

© Роксана Гедеон, 2014

© ЛитРес: Самиздат, 2014

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Роксана Гедеон

Лилии над озером

Глава первая

Исцеление любовью

1

Вообще-то Лориан считался скучным городком. Многие даже утверждали, что скучнее нет места в мире. Так было триста дней в году. Но когда приходил сентябрь, здесь начиналась ярмарка, и Лориан на глазах преображался. Пестрые толпы заполняли узкие улочки и тесные площади, шум взрывал застоявшуюся тишину. Ярмарка выплескивалась за городскую черту, захватывала океанский берег.

Возле каменного Лориана возникал дощатый: тянулись ряды, павильоны, лавки. Залив покрывался судами. Каталонские парусные лодки, марсельские шаланды, барки из Гренобля теснились у причалов или стояли на якоре подальше от берега.

Мы кружили в лабиринте лавок и складов, над которыми колыхались полотнища разноцветных тканей с адресами торговцев. Вероника и Изабелла, прыгающие то на одной, то на другой ноге, были впереди меня.

— Мама, давай купим это! И то! И вот то тоже!

Я благоразумно отвечала:

— Мы не можем этого сделать, дорогие мои.

Брови Изабеллы возмущенно сходились к переносице:

— Разве мы теперь бедные?!

— Нет, мы не бедные. Но мы не можем тратить деньги на то, что у нас уже есть. Ты же знаешь, какое скверное было лето.

Близнецы, впрочем, быстро забывали о том, что хотели бы иметь, и бежали вперед, глаза по сторонам. На них тоже смотрели. Живые, бойкие светловолосые девочки, похожие друг на друга, как две капли воды, привлекали внимание многих. Их охотно угощали торговцы, и к этому часу они, вполне вероятно, объелись сладостями.

Толстые стены из вязок луковиц и венков чеснока преграждали нам путь. Из решетчатых ящичков и корзин выглядывали яблоки и груши, на холстинах висели горы орехов, изюма, сушеного и свежего винограда. Близняшек угощали снова, и они складывали подарки в свои фартучки, ни от чего не отказываясь, хотя есть уже не могли. Мне это казалось забавным, и я этому не препятствовала.

В горячем и сладком, даже липком воздухе кружили рои плодовых мух, тучи ос и пчел, носились легкие стрекозы. Неподалеку плясали жигу матросы, оттуда же долетал гром тамбуринов, а над ярмаркой плыл гул колоколов. Вообще изобилие и веселье были таковы, что не верилось, что год выдался тяжелым и что вот уже которое лето в Бретани идет гражданская война, что провинция разорена, что почти полностью прервано сообщение между городами.

Мы приближались к постоялому двору. Мои дочери в который раз зачарованно застыли – теперь уже перед банками с вареными грушами, корзинами с дынями, горами обсахаренного аниса и розовыми пуделями из ячменного леденца. Последнее было им явно в диковинку, но я решительно взяла их за руки и заявила, что нам пора возвращаться в Сент-Элуа.

Они взбунтовались.

— Но почему? – вскричала Вероника. – Мы хотели остаться на городской бал! Я еще никогда-никогда не была на балу!

— И ты обещала, что мы пойдем к океану, соберем ракушки! – раздосадованно вскричала вслед за ней Изабелла.

Это была правда, но я предпочитала сейчас не помнить о своем слове. Мне было не до умиротворенных прогулок по океанскому берегу.

— Да, обещала, но теперь уже три часа пополудни, а мы должны вернуться домой до наступления темноты. Разве вы не знаете, сколько нынче разбойников на дорогах?

Я подтолкнула их к коляске и сделала знак кучеру.

Несмотря на то, что день ярмарки был так весел и мои дочери от души развлекались, я ни разу не смогла полностью разделить их радость. С самого утра смутная тревога завладела мной. Я пыталась перебороть ее, и иногда мне удавалось отогнать на некоторое время поселившееся внутри тягостное предчувствие чего-то недоброго. Однако оно возрождалось в душе с новой силой, и я больше не могла этого выносить. Мне хотелось домой. Там будет спокойнее. Ведь я до сих пор не могла понять, кого касается моя тревога. Дома? Филиппа? Или чего-то еще?

Кроме того, я очень устала. Меня целый день мучила тошнота. Больше месяца назад, в конце июля, я обнаружила, что жду ребенка. Безусловно, это было очень некстати. Известий от мужа я почти не получала, не знала даже, где он находится, и, конечно же, беременность была сущим недоразумением сейчас, когда мы с Александром решили на время разойтись. Узнав о беременности, я задумалась не столько о ребенке, сколько о том, куда теперь в очередной раз повернет моя судьба, и честно прислушавшись к себе, решила: в Белые Липы возвращаться мне нет никакого смысла. Более того – у меня нет к этому желания.

Возможно, именно поэтому я и не спешила сообщать Александру о том, что к весне подарю ему еще одного наследника. Мы расстались в начале июля, и все время нашей разлуки я провела в Сент-Элуа, просто-таки упиваясь спокойствием и независимостью. Одиночество меня не беспокоило. Замок отстраивался, мы приводили в порядок второй этаж, расставляли мебель, подбирали посуду и портьеры, и за этими заботами мне было не до любовных переживаний.

В Сент-Элуа не было роскоши, но с каждым днем он становился все удобнее и добротнее, а я наслаждалась ролью хозяйки всего этого воссозданного мною великолепия. Никто не смотрел на меня косо, не упрекал, не отдавал мне приказы. Дети росли на лоне природы, радуя меня румяными щеками и отменным аппетитом. Я планировала реконструкцию парка, делала наброски новых насаждений, открывая в себе некоторые таланты архитектора природы, и на каждого, кто прервал бы эту идиллию, попросив вернуться в Белые Липы, посмотрела бы с неприязнью.

Так вот, Александр, узнай он о ребенке, первый предложил бы мне возвратиться... Поэтому я и молчала, затаившись в глуши Нижней Бретани.

Однако с течением времени мне становилось ясно, что написать герцогу обо всем необходимо. Возможно, именно то, что он еще ничего не знает, и питало мою тревогу? Я решила, что, как только мы приедем в Сент-Элуа, сяду и напишу ему письмо. Нет уверенности, конечно, что он его получит: в Белых Липах герцог почти не бывает, кроме того, там полно моих недоброжелателей, которые могут скрыть послание от Александра.

Но я все-таки напишу и отправлю письмо в Белые Липы. Ведь другого адреса я не знаю.

О ребенке, которого ждала, я старалась не думать. Он был неожиданностью, к которой я до сих пор не знала, как относиться. Особого желания иметь еще одного сына или дочь, честно говоря, я не испытывала, и еще меньше хотела давать в руки герцогу дополнительный рычаг влияния на меня. Доверие между нами не было восстановлено полностью, и мне было приятно чувствовать себя скорее незамужней и свободной дамой, чем замужней и подчиненной.

2

Золотистые полосы сжатой ржи чередовались с красноватыми полями гречихи, где снопы стояли в конических копнах, как ружья, составленные солдатами в козлы на бивуаке. На склонах холмов, заросших розмарином, горчицей, мелиссой, белели соломенные ульи, вывезенные крестьянами на поля для сбора меда. Коляска быстро мчалась по дороге, вдоль которой были вырыты глубокие канавы. Земля, что выбрасывали из них на обочину, образовала высокие откосы, поросшие кустами колючего дрока.

— Мама, ты совсем нам ничего не говоришь! – обиженно сказала Вероника. – И совсем нас не слушаешь.

Я погладила ее по голове, чувствуя свою вину, но рассеянность преодолеть не смогла. Не было сейчас сил прислушиваться к лепету дочек. Беспокойство в душе все усиливалось, и я невольно подумала: хоть бы скорей оказаться дома!

Девочки, убедившись, что от меня трудно добиться внимания, мало-помалу разговорились между собой. Я краем уха слушала, как они делят покупки, как советуются, чем угощать Филиппа. От неожиданной мысли у меня сжалось сердце: до чего же они еще маленькие! И как много времени пройдет, прежде чем они станут способны хоть как-то о себе позаботиться! О Филиппе и говорить нечего – он почти младенец. И надо же было случиться, что именно сейчас на горизонте моей жизни замаячил новый ребенок. Боже мой, ведь так опасно иметь детей в нынешнее время!

Эти мысли нахлынули на меня, потому что я давно сознавала: близится война. Бретань вообще была беспокойной и извечно мятежной провинцией. Ее изолированность, преданность старине, полное пренебрежение новыми законами, нравами и новой монетой могли основываться лишь на постоянной готовности взяться за оружие и защищать свои права на обособленность. Дикая здешняя жизнь воспитывала свирепых, суеверных, не знающих страха крестьян. Да и сама бретонская природа, изрезанная оврагами, потоками, озерами и болотами, вздыбленная повсюду колючая щетина живых изгородей каждый дом превращали в крепость. Каждое дерево прикрывало западню, каждый дуплистый ствол вербы таил военную хитрость. Поле сражения здесь могло быть повсюду.

За минувшие четыре года эти враждебные признаки как-то смягчились, скрылись. Но с нынешнего лета все изменилось. Крестьяне поголовно готовы были взяться за оружие. Снова воскресала героическая доблесть шуанов, питаемая надеждами на реставрацию монархии. Республика, казалось, агонизировала, и бретонцы вновь уверовали в реальность своей победы. Началась настоящая охота на синих. Отныне их за каждым кустом, в каждой живописной долине подстерегали невидимые враги, готовые к нападению.

Постоянно приходили тревожные вести: где-то шуаны напали на арсенал и пополнили свой запас оружия и пороха, где-то перестреляли конвой, где-то отбили зерно, предназначенное для синего гарнизона. Это не носило еще характер открытой войны и больше походило на разбой, но можно было думать, что пока только идут приготовления к схватке. Участились случаи, когда шуаны прикидывались рекрутами, являлись на сборные пункты, заявляя, что готовы служить Республике и идут в синюю армию, и все это лишь для того, чтобы добыть себе оружие. Все эти признаки означали, что близится война.

— Селестэн, – обратилась я к кучеру, – пожалуйста, побыстрее! Мне так беспокойно на этих дорогах!

Я и сама уже не рада была, что отправилась в Лориан. Понятно, что в хозяйстве не хватает тысячи мелочей, которые можно купить только в городе, но можно было отвергнуть просьбы близняшек и не брать их с собой!

— Да ведь мы почти дома, ваше сиятельство.

Я оглянулась, и вздох облегчения вырвался у меня из груди. Селестэн был прав. За тревожными раздумьями я и не заметила, что Сент-Элуа совсем близко. Мелькнула среди деревьев изумрудная гладь маленького лесного озера, потом перед нами открылась долина, а среди нее – светлые очертания отстроенного замка.

— Мы приехали, – сказала я. – Ну, слава Богу!

Селестэн придержал лошадей. Близняшки, как всегда, выскочили из коляски уже здесь, за четверть лье до замка, и бросились гоняться за бабочками. Я крикнула им, что они должны быть дома до захода солнца, и экипаж покатило дальше.

Мы только подъезжали, а я уже заметила странную фигуру на обочине дороги. Это был человек, одетый в козий мех до самых пят, штаны из грубого холста и грязную шапку из красной шерсти. Длинные космы, падающие из-под шапки, сливались с козьим мехом. Человек сидел согнувшись и, похоже, полдничал. Приподнявшись, я взглядела в него, и мне показалось, что я его узнала. Он смахивал на шуана по имени Терновник, которого мне доводилось видеть в Белых Липах.

Он, завидев нас, тоже вскочил. Моя рука опустилась на плечо Селестэна – этим жестом я попросила его остановиться. Шуан не спеша собрал снесь с котомку, поднялся и зашагал к нам, опираясь на толстую дубину. Я вышла из коляски, дав знак Селестэну ехать дальше.

Терновник почтительно поклонился.

— Добрый день, ваше сиятельство, – произнес он по-бретонски. – Я к вам с недоброй вестью.

Меня бросило в дрожь. Итак, тревожное предчувствие, не покидавшее меня с самого утра, похоже, начинало оправдывать себя.

— Меня послали к вам из Белых Лип, ваше сиятельство. Я прибыл два часа назад и поджидал вас.

Меня затошнило просто до невозможности. Превозмогая комок, подступивший к горлу, я насилу выдавила:

— Так что же случилось?

— Мне велели вам передать, что господин герцог убит.

3

— Что вы сказали? – прошептала я одними губами. Услышанное не укладывалось у меня в голове. Я если и восприняла слова шуана, то лишь как нечто нелепое, не имеющее ко мне отношения.

— Господин герцог убит, – повторил Терновник, и его коричневое лицо исказилось. – Меня послали к вам... может, вы приедете.

Кровь отхлынула у меня от лица, и даже губы побелели. Сдвинув брови, я спросила:

— Кто вам все это сказал?

— Меня послал к вам с известием слуга господина герцога, Гариб.

— И он сказал, что герцог убит?

Шуан пожал плечами:

— Я и сам видел.

— Что вы видели? – допытывалась я, ломая пальцы.

— Видел, как господина герцога внесли в дом на носилках. Он был весь в крови. А потом вышел Гариб и сказал: поспеши, мол, Терновник, в поместье Сент-Элуа, что в Нижней Бретани, и сообщи госпоже, что ее муж умер.

— Он именно так сказал?

— Да, мадам, слово в слово.

— Но как же это могло случиться? – проговорила я. В моих глазах стоял ужас. – Кто мог его убить? Что произошло?

— Была стычка на побережье близ Сен-Мало, мадам. Из-за моря его величество король прислал нам оружие. Видно, как оружие выгружали, отряд господина был замечен синими и принял бой. Многие молодцы из нашего прихода были ранены, а потом и померли – почитай, добрый десяток.

– А ты? Ты был там?

Бретонец удивленно уставился на меня:

— Известное дело, нет. Меня оставили охранять поместье.

Я молчала, кусая губы. Все услышанное мною казалось до такой степени невероятным и неожиданным, что я никак не могла осознать известие шуана до конца. Да, в Бретани непокойно, но для такой бойни вроде бы еще не время. И почему именно Александра постигла участь первой жертвы намечающейся войны? Мне не удавалось даже на миг представить, что он мертв. Нет, это была какая-то нелепица. Я кожей, глубинным интуитивным чувством ощущала, что он жив, с какой стати ему умирать? Взмахнув рукой, я с вымученной улыбкой воскликнула:

— Да нет же, ты что-то путаешь!

Терновник молчал, глядя в землю.

— Тебе больше нечего прибавить? – проговорила я сдавленно. – Можешь ты хотя бы сказать, когда именно это случилось?

— Нынче воскресенье, мадам?

— Да.

— Ну, а в путь я отправился в субботу утром. Благодарение Святой Деве, меня подвезли по дороге. Стало быть, в пятницу все и случилось. Пятница – несчастливый день, и Господа Бога нашего в пятницу распяли.

Не дослушав его, я медленно пошла по направлению к замку. Слово невероятная тяжесть навалилась на меня, я и хотела идти быстрее, но ноги не повиновались мне. Поверить в услышанное я так и не смогла. Все воспринималось как-то отдаленно, опосредованно. Александр убит? Но как это может быть? Такой сильный, неукротимый, мужественный, он оставил меня вдовой, а нашего сына, которому нет и трех лет, – сиротой? Нет, если б это случилось, я бы почувствовала это задолго до известия Терновника. Смерть Александра – это был бы такой удар в сердце, что я не мучилась бы, разгадывая причины тревоги: интуиция сразу подсказала бы мне, с кем случилось непоправимое.

Мы даже не встретились, не поговорили, я не сказала ему о ребенке... Даже не написала ему ни разу. Ах, было бы слишком больно и несправедливо, если б случившееся действительно имело место. Я почти убедилась, что шуан что-то напутал, и готова была перевести дух, но тут ужасная мысль посетила меня: а можно ли сомневаться в словах Терновника? Зачем ему было бы лгать? Зачем ради лжи преодолевать такую дорогу?

Я остановилась, чувствуя, что не могу идти. Тошнота снова прихлынула к горлу, и меня вырвало на кусты дрока. Когда спазмы стихли, я выпрямилась, пытаюсь найти платок, и тут увидела приближающегося Селестэна. Он оставил коляску у ворот и спешил ко мне.

— Ваше сиятельство, вам помочь?

Я покачала головой, потом подняла на Селестэна глаза и, видимо, в них были такие боль и недоумение, что бретонец изменился в лице.

— Что сказал вам этот проходимец, мадам? Я его вздую, если что!

— Селестэн, – проговорила я, – меняй лошадей.

— Мы уезжаем?

— Да. Мы уезжаем... Как можно быстрее.

Я пыталась сдержаться, но слезы невольно брызнули у меня из глаз.

— Не может быть! – вскричала я в отчаянии, пытаюсь хоть словами прогнать, развеять ужас, накатывавшийся на меня. – Он не умер! Он не умер, скажите это, Селестэн!

Он молчал, поддерживая меня за руку. Я опомнилась и попыталась справиться со слезами.

— Ступайте же, – велела я уже почти сурово. – Передайте кому-нибудь, что мы... что я уезжаю в Белые Липы.

— А дети? – спросил Селестэн.

Я покачала головой.

— Пусть разыщут девочек, они, как всегда, где-то в поле. А Филипп...

На миг я задумалась: как же Филипп? Если весь этот дикий, невероятный абсурд вопреки здравому смыслу и моей интуиции окажется правдой, то Филипп, наверное, должен увидеть отца. В смысле, увидеть отца в последний раз... Но, проговорив эту фразу мысленно, я тут же с ожесточением отбросила ее. Нет, мальчик слишком мал, чтоб подвергать его таким испытаниям! И потом... я не буду готовиться к худшему, я не согласна верить, что все случившееся – правда!

— Филипп ничего не поймет, – сказала я устало. – Давай, Селестэн, поторопись. Мы должны выехать как можно быстрее.

— Близится ночь, госпожа герцогиня. Да и собрать корзинку с едой не помешало бы.

— Нет времени обращать на это внимание. Надо спешить.

4

Свежие лошади, запряженные в коляску, промчались через всю Бретань с юга на север быстрее ветра, и преодолели путь от Сент-Элуа до Белых Лип за девять часов. Но, как бы ни была коротка дорога, у меня в распоряжении оказалось достаточно времени, чтобы подумать.

Я сидела, вцепившись в кожаное сиденье, и мое лицо, отрешенное, отчаявшееся, с запекшимися на щеках слезами, было, видимо, таким странным, что Селестэн, когда оглядывался, встревоженно качал головой. За всю поездку я произнесла несколько раз лишь одно слово – «быстрее». На плохих бретонских дорогах меня растрясло так, что, будь мои эмоции в норме, я бы опасалась выкидыша. Но теперь я не думала о ребенке. Не принимала во внимание даже то обстоятельство, что, если Александр вправду убит, мне следовало бы побереечь ребенка хотя бы как память о нем. Все это в тот момент не имело для меня абсолютно никакого значения. Я лишь хотела поскорее быть на месте и понять все до конца.

Ночью похолодало, но у меня с собой не было даже плаща. Я вообще ничего не захватила в дорогу, забыв обо всем. Впрочем, холод меня тоже не тревожил. Я почти не замечала его.

Александр, как говорят, убит. «Что за чушь?» – в который раз спрашивала я себя я, находя в душе тысячу доводов, убеждала сама себя, что такого не может быть. Раньше я отдавала себе отчет, что при его образе жизни такое несчастье вполне может случиться, но никогда и представить не могла, что это произойдет так скоро и внезапно. Мы ведь не помирились толком, почти два месяца не перебросились друг с другом даже словом. И Филипп—он так давно не видел отца...

Несмотря на драматизм ситуации, весьма прозаические вещи, вроде тошноты и рвоты, не оставляли меня. Селестэн дважды останавливал коляску среди темных ночных просторов, чтобы я могла выйти, и меня рвало. Я досадовала на себя: откуда только все это берется, если я не ела вот уже пятнадцать часов? Словом, состояние мое было далеко не бодрим, а когда я выходила из оцепенения, то ощущала вдобавок сильную головную боль. Словно кровь прилиwała к голове... Потом силы, уменьшавшиеся с каждым часом, вообще оставили меня, и я задремала. А когда проснулась, почувствовала сильный озноб. В экипаже было все-таки холодно.

Кажется, прошел небольшой дождь. Сквозь густые ветви просачивался слабый утренний свет. Приглядевшись, я поняла, что мы находимся совсем близко от Белых Лип.

И сразу же, в ту же секунду, я вспомнила, почему тут оказалась. Сейчас, утром, слова Терновника показались мне особенно абсурдными. Я даже подумала, не сыграл ли он со мной дурную шутку? Ах, если бы! Пусть бы это оказалось чем угодно, даже злой шуткой, только не правдой!

Было около четырех часов утра. Темнота еще не рассеялась, только-только начинала брезжить заря. Выпало много росы, ощущалась сильная сырость. Лошади едва бежали, тяжело всхрапывая.

— Проснитесь, мадам, мы почти приехали, – негромко отозвался Селестэн.

— Я давно уже не сплю, мой друг.

Низкорослые бретонские кони были привязаны к дубам во дворе Белых Лип и грызли кору с деревьев. Людей не было видно, но это казалось естественным в столь ранний час. Никто не выбежал навстречу нашей коляске. Поместье выглядело сонным и умиротворенным. Совсем не похоже было, что здесь умер хозяин, и знаков траура нигде не замечалось. Это соображение придало мне сил. Я сама соскочила на землю и, несмотря на то, что ноги у меня были деревянные, поспешила в дом.

Тяжелая главная дверь, к счастью, была открыта. Я поспешно поднялась по лестнице, озираясь по сторонам, и уже готова была громко позвать кого-нибудь, но в этот миг увидела спускающегося по ступеням Гариба. Через его плечо было переброшено полотенце, а в руках индус нес поднос с ножницами и ворохом окровавленных бинтов.

Зрелище это было зловещее, но все же я бросилась к Гарибу, и весь мой вид в тот миг выражал вопрос. Я боялась задать его вслух. Гариб поклонился, обнажив в скупой гримасе острые зубы.

— Хорошо, что вы приехали, госпожа. Он иногда зовет вас.

У меня как камень с души упал.

— Он? – переспросила я сдавленно. – Герцог?

— Да. Хозяин очень тяжело ранен, госпожа.

— И... он не умер?

Гариб блеснул белками.

— Нет. Я сказал так, госпожа, чтобы вы быстрее приехали. Хозяин очень-очень ранен, госпожа.

Мне на миг стало так легко, что я зашаталась и принуждена была ухватиться за перила лестницы, чтобы не упасть. Александр жив. Ну, конечно, я была права, когда не верила! Я сердцем чувствовала, что это не так. Так и получилось. Господь Бог слишком милосерден, чтоб допустить смерть Александра.

Потом я стала размышлять и вдруг поняла, как жестоко поступили со мной самой. Какой страх я пережила, в моем-то положении! Черт возьми, этот дикарь слишком далеко заходит! Прищурившись, я зло спросила:

— Так ты все выдумал? Ты посмел так меня напугать?!

— Я же не знал, захотите ли вы приехать, госпожа, если вам сказать, что господин только ранен.

Ярость захлестнула меня. Еще неизвестно, чем закончится выходка этого индуса, не потеряю ли я ребенка! После такой бешеной поездки все возможно! Не помня себя, я рванулась к Гарибу и замахнулась на него кулаком, целясь прямо в лицо, – это должна была быть даже не пощечина, а настоящий тумак.

Он, мерзавец, ловко уклонился, вернее, присел, но я все же сбила с него тюрбан, а потом, так же яростно ударив наугад, выбила у него из рук поднос.

— Ты, выродок! Ты хоть знаешь, что я чувствовала все эти часы?!

Гариб молча выпрямился, блеснул глазами и стал поднимать тюрбан и поднос. Я наблюдала за ним, задыхаясь от гнева. Конечно, я понимала, что драться не следовало и что от такого дикаря, как Гариб, за подобное поведение можно ожидать чего угодно. Но я не жалела о своем поступке. Надо было положить этому конец, этот слуга слишком долго надо мной насмехался!

— Где герцог? – спросила я, наконец, зная, что на этот вопрос он мне ответит.

— У себя. Сейчас господин доктор будет его лечить.

У меня не вызвало удивления то, что доктор появился только сейчас, по сути, одновременно со мной, хотя Александр, судя по всему, был ранен уже довольно давно. Я знала, как трудно разыскать в округе д'Арбалестье в таких непредвиденных случаях, и как тягостно тянутся минуты, когда ожидаешь доктора... Что ж, хоть эта чаша ожидания меня минула. Подхватив юбки, я побежала наверх с бешено бьющимся сердцем. Многое оставалось для меня непонятным, нужно было срочно поговорить с врачом.

В маленькой прихожей перед покоями герцога я увидела доктора д'Арбалестье: он раскладывал металлические инструменты на сервировочном столике, застеленном полотенцем. Мои шаги прозвучали довольно громко, врач сразу обернулся и поспешно приложил палец к губам. И только потом, похоже, узнал меня.

— Вы, мадам? Приветствую. Ну-ка, помогите служанке щипать корпию.

Это задание, данное сходу, ошеломило меня. Я машинально вымыла руки, наблюдая за действиями д'Арбалестье, потом присела рядом с Марианной и стала делать то же, что и она, но, наконец, не выдержав, громким шепотом произнесла:

— Господин доктор, ради всего святого! Как обстоят дела?

— Ваш супруг ранен, мадам, и его состояние довольно серьезно.

У меня ком подступил к горлу. Я проговорила:

— Господи Иисусе! А что собираетесь делать вы?

— Извлекать пули из его груди.

— Пули? – переспросила я. – Разве их много?

— Вероятно, бывает и больше, но ему тоже досталось немало.

Он был явно огорчен положением своего пациента и, поскольку не знал о моей беременности, безжалостно перечислил: у Александра две пули сидят в груди, еще одна раздробила локоть, а последняя глубоко задела правый бок, возможно, повредив почки. Я слушала с округлившимися от ужаса глазами. Мои руки перестали щипать корпию и бессильно упали на колени.

— Боже мой! – прошептала я. – Так он выживет?

— Посмотрим. Я отправил дикаря за веревками.

— За веревками! – повторила я. – А зачем же веревки?

— Чтобы извлечь пули, надобно связать раненого.

— Он... разве он в сознании?

— Нет. Он бредит и всех отталкивает.

Помолчав, доктор добавил:

— Будь он в сознании или нет, он может помешать операции, почувствовав боль.

В этот миг я очень ясно чувствовала, как бьется у меня сердце. Ощущение это было тягостнейшее. Пересиливая себя, я спросила:

— Кто стрелял в него, доктор? Что произошло?

— Затрудняюсь сказать, сударыня. При сем прискорбном случае я не присутствовал.

Я едва сдерживала рыдания и поэтому лишь наполовину воспринимала то, что дальше рассказывал д'Арбалестье. Он сказал, что приехал три часа назад, осмотрел и перевязал герцога. Была надежда, что раны в груди затянутся, несмотря на то, что пули не вышли, но эта

надежда растаяла: раны не затягивались, а наоборот, кровоточили и сильно воспалились. Д'Арбалестье пришел к мнению, что операция неизбежна.

— Он потерял много крови, – сказал доктор в заключение.

Я увидела, как врач смазывает жиром нитки, видимо, готовясь к зашиванию раны в боку, и меня сильно затошнило. Я отвернулась, кусая костяшки пальцев.

— Мне можно хоть поглядеть на него, господин д'Арбалестье?

— Нет. Нельзя.

— Почему?

— Не стоит его волновать. Он иногда приходит в сознание, и я не хочу, чтобы он вас узнал.

— А его рука? – спросила я. – Вы сказали, у него поврежден локоть. Что будет с этой рукой?

Ответа я не услышала, ибо в прихожую вошел Гариб. Доктор забрал у Марианны корпию, видимо, чтобы подложить под язык раненому на время операции, и удалился в спальню. Гариб последовал за ним.

Дверь какое-то время оставалась неплотно закрытой, и я, приблизившись, успела заметить, как Гариб опутывает веревками ноги Александра, а потом здоровую руку привязывает к колонке кровати. Я заметила и лицо Александра – белое, словно вата. Снова меня охватил ужас.

Д'Арбалестье подошел к двери, крикнул, чтобы ему принесли еще горячей воды, и прогнал меня от порога.

5

У меня еще достало сил расспросить Марианну обо всем, что ей было известно. Но узнала я совсем немного: о том, как долго пришлось искать доктора, как в ночь на субботу шуаны привезли тяжело раненного герцога в поместье, как сделалось дурно Анне Элоизе. Поль Алэн до сих пор отсутствовал и не знал о состоянии брата. По-видимому, следовало бы послать людей на его поиски, но делать этого я не хотела. Обстоятельства случившегося все еще оставались для меня тайной. Марианна повторяла, что беда настигла Александра на побережье. Видимо, стычка была жестокой. Александра просто изрешетили. Четыре пули! Я передернула плечами, прогоняя страх.

Некоторое время я дежурила у двери, напряженно прислушиваясь к звукам, доносившимся из комнаты. Удавалось разобрать только команды доктора да еще стоны, издаваемые, видимо, раненым в полубеспамятстве. Шли минуты, а д'Арбалестье не выходил. Я чувствовала себя совсем обессиленной, у меня ныло все тело и, кроме того, мне начинало казаться, что я простудилась: сильно болела голова и саднило горло. Понимая, что уже не могу держаться на ногах, я обратилась к Марианне, и она выкатила для меня из соседней комнаты кушетку на колесиках. Я улеглась, приказав служанке найти себе кого-нибудь на смену и тоже отдохнуть.

«Как несправедливо! – подумала я, тщетно пытаюсь бороться с дремотой. – И почему Поль Алэн не оказался на месте Александра! Это было бы справедливей!» Почему это так, я не вдумывалась. Просто Александр... о, я так любила его, несмотря ни на что, вернее, несмотря на все, что случилось в последний год... Как можно жить, если его не будет? Боже праведный, как же лишиться того, что только и было моей поддержкой во всем мире, и пережить такую потерю?..

Я забылась тревожным, беспокойным сном, и проснулась от самого малого шороха, раздавшегося рядом.

Надо мной склонился д'Арбалестье. Он, похоже, только что вышел от Александра, ибо руки врача все еще были в крови, а лицо выглядело осунувшимся и усталым.

— Прошу вас, мадам, протрите мне очки, – попросил он тихо. – Пока индус не принесет воду, я не могу этого сделать сам.

Я молча выполнила его просьбу, заметив и на стеклах очков брызги крови. Дрожь снова пробежала у меня по спине. Избегая смотреть на врача, я спросила:

— Он... надеюсь, он в порядке?

— Ближайшая неделя покажет.

— О! – воскликнула я в ужасе. – Значит, вы не уверены до сих пор, что он будет жить?

Врач раздраженно произнес:

— А что вы хотите, сударыня? Человек потерял много крови. В него всадили четыре пули, и одна из них чудом не задела сердце. Когда я приехал, уже началось воспаление. Теперь его ждет лихорадка, жар и бред.

— А рука? – прошептала я.

— Рука! О ней подумаем позже, когда станет ясно, что раненый будет жить!

Мое лицо искажилось. Я почувствовала почти физическую боль от всего этого откровенного перечисления ран Александра.

— На несколько дней я останусь здесь, – произнес доктор. – Будьте любезны распорядиться насчет комнаты и стола для меня.

Он бросил на меня внимательный взгляд и вдруг спросил:

— А вы сами?

— Что?

— Вы сами не больны?

Я сказала, что у меня болит горло. Д'Арбалестье жестом попросил меня подождать, вымыл руки и, приблизившись снова, взял меня за запястье и стал слушать пульс.

Я решила признаться:

— Я беременна, господин доктор, скоро будет два месяца.

Он чертыхнулся и выпустил мое запястье.

— Так что же вы здесь делаете, мадам? Марш в постель!

Я ошеломленно смотрела на него, не понимая, как он может предлагать мне идти в постель тогда, когда мой муж находится при смерти.

— А я-то, болван! Я допустил, чтобы вы смотрели на кровь.

Я открыла рот, чтобы сказать ему, что ни за что не уйду, но он обернулся и, заметив на моем лице несогласие, почти обрушился на меня:

— Силы небесные, вы еще осмеливаетесь не слушаться! Если кроме этого умирающего на мою голову свалится еще и дама с выкидышем, я не ручаюсь ни за него, ни за вас!

Слово «умирающий» заставило меня содрогнуться. Ведь и вправду, не дай Бог свалить на голову доктора еще какие-то заботы, кроме борьбы за жизнь Александра! Д'Арбалестье – наша единственная надежда. Перепугавшись, я живо спустила ноги на пол, однако уходить все-таки не очень спешила. Врач ворчливо повторил:

— Ступайте! Ступайте! Избавьте меня от лишних забот, сударыня!

Я покорно пошла к выходу. Голос врача снова остановил меня. Я оглянулась. Размешав что-то в склянке, д'Арбалестье протянул ее мне.

— Выпейте. Это поможет вам уснуть.

Я взяла, опасливо разглядывая содержимое стакана.

— Мэтр, а оно не опасно – это ваше снотворное?

— Я же доктор, сударыня. И знаю, что можно предложить женщине в вашем положении.

Уже не споря, я выпила то, что он мне дал, и медленным шагом удалилась в свою комнату.

Мягкая постель и снотворное сделали свое дело, и я уснула так крепко, будто провалилась в бездну. Я действительно очень устала и нуждалась в отдыхе. Проснувшись, я увидела,

что портьеры на окнах сдвинуты, а часы показывают шесть – по-видимому, вечера. Смятение охватило меня; я рывком села на постели и некоторое время оставалась неподвижной, пытаюсь полностью опомниться. Чувствовала я себя скверно. У меня словно онемел локоть, корсаж сдавил грудь – я ведь спала одетой; во рту был ужасный привкус.

Поднос с остывшим обедом стоял рядом с постелью. Я несколько раз поглядывала на него, но не притрагивалась к еде. Есть мне совсем не хотелось, более того, некоторые вещи на этом подносе вызывали у меня отвращение. Но потом я вспомнила, что не ела уже больше суток. Мне нужно заботиться не только о себе, но и о ребенке... Я взяла кусок холодной утки и через силу съела, запив водой. Потом, едва вытерев пальцы, как была, в смятой одежде, побрела к двери.

Черные мушки мелькали у меня перед глазами. Очень болело горло. Пошатываясь, я вошла в прихожую перед покоями Александра. Д'Арбалестье, загородив собой проход, спал в кресле, бессильно развесив руки. Я стала бесцеремонно тормошить доктора.

Он открыл глаза и со вздохом стал шарить руками в поисках брошенных на пол очков.

— Вы оставили его одного?! – прошипела я в ярости.

— Одного? С ним сидит служанка. Я объяснил ей, что надо делать, пока я отдыхаю. Я, сударыня, – добавил он оскорбленно, – сделан не из железа, и мне тоже нужно поспать хоть четверть часа.

— Что с моим мужем? – спросила я, прерывая его.

— Ничего не изменилось.

— Значит, он... он...

— Он между жизнью и смертью, мадам. Только время покажет, что из этого выйдет.

Отбрасывая с лица спутанные волосы, я спросила:

— Что же, черт возьми, нужно сделать, чтобы помочь ему?

— Уже все сделано. Остальное зависит от его собственных сил. Рокового заражения крови, к счастью, пока не наблюдается. Но лихорадка очень сильна, и я не знаю, вынесет ли он ее. Он весьма обескровлен.

«Остальное зависит от его собственных сил»... Эти слова эхом отозвались у меня в мозгу. Может, к этим силам надо добавить мою любовь, и тогда они удесятятся? Слушая д'Арбалестье, я вдруг поняла, что должна поломать его политику. Я очень нужна Александру. И больше не должна мириться с тем, что меня к нему не пускают. Во всем этом большом доме только я и волнуюсь за него до самой глубины сердца. Может, еще Анна Элоиза волнуется, но какую энергию может передать ему престарелая дама? Стало быть, я тут одна стою против смерти. А доктор... Он же не понимает, насколько для герцога важно само мое присутствие.

Оставив врача, я распахнула дверь. Служанка, сидевшая в полумраке комнаты, поднялась, увидев меня. Я знаком остановила ее, потом сняла туфли, чтобы ступать потише, и на цыпочках приблизилась к кровати.

Лицо у Александра было такое же, как утром, – белое, без единой кровинки, кожа словно обтягивала скулы, под глазами залегли черные круги. Голова его металась по подушке, сквозь бинты на груди проступала кровь. Правая рука была в лубке, и когда он нечаянно шевелил ею, с его губ срывался стон. Он бормотал что-то – похоже, это была ругань, и я заметила, что его левая рука часто сжимается в кулак.

Меня обожгли жалость и сочувствие. «О мой любимый! Любимый мой! Единственный мужчина, с которым я когда-либо была счастлива, как же спасти тебя?!»

Наклонившись, я коснулась его левой руки, и он бессознательно сжал мои пальцы так, что едва сдержала крик боли.

— Вот-вот, – прошептала служанка, заметив это. – У него еще довольно силы, мадам герцогиня. Сейчас уже не так, а пару часов назад он так метался, что с ним едва два лакея справились.

Я молчала. Ужасно было видеть столь беспомощным человека, которого я знала таким сильным, уверенным, мужественным. Мне было больно. Сейчас, когда я глядела на своего мужа, мне самой было трудно представить, что он выживет. Я взглянула на свои пальцы. Они хорошо почувствовали, как горяча ладонь Александра. Казалось, ею можно обжечься.

Хрипло ругаясь, он вдруг закусил губу до крови, и легкая розовая пена показалась у него на губах. Он жадно хватал ртом воздух, лицо его покрылось испариной, и весь его вид, казалось, выражал страшную жажду. Я взглянула на служанку.

— Нет, – зашептала она испуганно, – пить нельзя! Господин доктор сказал, до самого утра нельзя, не то герцог тотчас умрет!

— Оставайтесь здесь, – бросила я, направляясь к двери.

Д'Арбалестье раскладывал свои инструменты на столике.

— Вы сделали все, что могли, не так ли, мэтр? – спросила я.

— Надеюсь, мадам. Я зашил ему рану в боку, наложил лубок, вытащил две пули из груди.

— Он так бледен, – проговорила я сдавленно.

— Да, кровопотеря очень велика. Если он выживет, надо будет несколько месяцев кормить его бифштексами и поить красным вином – это поможет восстановить силы.

Помолчав, д'Арбалестье добавил:

— Я еще несколько раз перевяжу его, мадам, побуду пару дней... а потом уеду.

— Значит, вы...

— Я буду заезжать. Но у меня есть другие больные. И выхаживать герцога должны вы сами.

— Но я же не умею перевязывать! – вскричала я в отчаянии. – Я вообще ничего в этом не понимаю!

— Я научу вас. Кроме того, в деревнях достаточно повитух, которые умеют это делать... да и брат господина дю Шатлэ, полагаю, вскорости появится.

Обдумывая все эти печальные перспективы, я прижалась лбом к косяку двери. Мне и самой было дурно.

— Доктор, – прошептала я, – дайте мне чего-нибудь от горла. Я простужена, а мне ведь нужно в такой ситуации быть на ногах.

Он посоветовал мне полоскать горло бертолетовой солью и не переохлаждаться – средства, которые и без того были мне известны, а потом попросил внимательно слушать то, что он будет говорить мне насчет ухода за раненым. Зная, что многие служанки тупы и непроторны, я поняла, что тягостная обязанность по перевязыванию, по сути, падет на меня.

6

Дни после отъезда д'Арбалестье – четверг, пятница, суббота – выдались необыкновенно тяжелыми.

Александр не приходил в сознание. Лихорадка, казалось, даже усилилась, когда уехал врач. С губ герцога по-прежнему срывался бред: чаще – беспощадная ругань и проклятия, изредка – мое имя или тихое бормотание. Я вслушивалась в его голос, пытаюсь найти в словах что-то связное, но тщетно. Порой, отойдя к распятию, чтобы помолиться, я вскакивала с колен, услышав «Сюзанна», подбегала к постели, и с жестоким разочарованием понимала, что Александр звал меня в беспамятстве. Иногда, чаще под утро, он переставал метаться и, затихнув, лежал с полуоткрытыми глазами, но, несмотря на это, не слышал и не видел меня, когда я над ним склонялась.

У него был жар, и он сбрасывал с себя одеяла, а я, помня наставления доктора, в тысячный раз поднимала их и укрывала его снова. Он отталкивал мои руки и порой был так агрессивен, что я в испуге отскакивала на несколько шагов, едва сдерживая слезы. Его мучила жажда,

и несмотря на то, что ему подавали стакан за стаканом, он все равно хотел пить, а тарелку с едой отталкивал. Лихорадка часто была такой, что к его телу страшно было притронуться.

И все же, надо было как-то заставить его поесть. К субботе он был так худ и изможден, что я в отчаянии стала придумывать всякие питательные напитки: растворяла в поильнике масло, сахар, яйца, специи... ну, что угодно, что можно было дать ему в жидком виде. И речи не было о том, чтобы поручить все это служанкам. Александр и у меня дважды выбил из рук поильник, а руку мне сжал так, что я закричала от боли. Он сразу же выпустил мое запястье и с тяжелым протяжным стоном рухнул на подушки; кровь выступила на его бинтах снова. После этого он затих и позволил себя покормить.

Я долго плакала, когда он поел, сидя рядом с ним и глядя его небритую щеку... Этот истаявший, исхудавший мужчина был сейчас физически лишь половиной того Александра, к которому я привыкла. Как влить в него жизнь? Как отогнать смерть? Мне вспоминалось, как он спас Жанно, когда мой сын погибал от дифтерии, а я погибала вместе с мальчиком, понимая, что не перенесу, если с малышом случится самое страшное. Он нас обоих тогда, по сути, вырвал из рук смерти. Есть ли на свете человек, которому я была бы обязана большим? Как отплатить ему тем же, как задержать его здесь, по эту сторону?!

И какой была моя благодарность ему все эти годы? Ситуация нынче была такой драматической, что, отчаиваясь, я винила сейчас только себя в том плохом, что произошло между нами за прошедший год. Я изменила ему с Талейраном, с этим умником-ренегатом, ловким, но презируемым в роялистских кругах, унизив мужское достоинство Александра, – изменила лишь потому, что не вынесла долгих месяцев одиночества. Почему я была так слаба? Какая пелена упала мне на глаза, когда я допустила подобное, будучи женой герцога и будучи до такой степени ему обязанной?

Что будет, если он умрет, оставаясь в таком разладе со мной, ведь, в сущности, мы помирились только формально? Прощу ли я себе когда-либо все это? Господи, мне даже не представилось шанса загладить свою вину, доказать, что я не такая уж и плохая жена, что, оступившись раз, я больше никогда не сделаю ничего подобного... Я плакала, упав на колени у постели Александра, и молила Бога только об этом: чтоб Он оставил его мне и дал нам обоим еще один шанс построить семью и оценить друг друга.

После этого случая Александр стал понемногу есть, но его часто рвало тем, что он съел. Я носила ему питье понемногу, как младенцу, каждые три часа: может, хоть что-то пойдет ему на пользу и поддержит силы.

Темноты я ждала со страхом, ибо ночи были особенно тяжелы. Будто силы зла начинали властвовать: жар повышался, бред усиливался, сухой кашель сотрясал грудь Александра. Я боялась ночью уйти и оставить его на служанок, поскольку ни одной из них не доверяла полностью. Некоторое чувство доверия вызывала лишь Элизабет, но ее услуги были нужны еще и больной Анне Элоизе. Гариб подменял меня на рассвете, когда я совсем засыпала.

Так что ночи мы проводили с Александром вдвоем. В бреду он сжимал мою руку горячими пальцами, шептал, бормотал или вскрикивал. Я мочила платок в холодной воде, вытирала ему лицо, но герцог почти не замечал моих прикосновений, а платок очень быстро высыхал. Глаза у меня слипались, голова бессильно валилась вниз, я начинала дремать, чтобы проснуться от первого же хриплого стога, и снова залиться слезами: Боже, когда же это все повернется к лучшему?

К утру жар по обыкновению спадал, и надежда возвращалась ко мне: хвала Пресвятой Деве, еще одна ночь прошла, и он выстоял, выдержал! Каждое утро, которое он встречал живым, я воспринимала как собственную маленькую победу, и это ощущение на время даже снимало с меня усталость. Пользуясь такими минутами, я с удвоенной силой ухаживала за

ним: умывала лицо и руки, причесывала густые жесткие волосы, сбившиеся за ночь метаний в колтун.

Потом... потом, увы, наступал час перевязки – процедуры, повергавшей меня в ужас. Поврежденной руки мы не касались, а когда случайно Гариб задел ее, герцог ужасно закричал. Запекшиеся бинты отрывались с трудом. Иногда Александр был в таком беспамятстве, что ничего не чувствовал, а иногда я зажимала уши, чтобы не слышать его стоны.

Рана в боку – глубокая, рваная – заживала медленно, по правде говоря, вообще не заживала, ибо постоянно кровоточила. И, конечно, самым главным врагом была лихорадка. Я постоянно жила под гнетом того, что смерть ходит где-то поблизости, что в любой момент может случиться самое ужасное, и только усилием воли заставляла себя не концентрироваться на подобных мыслях.

Вдобавок и мое собственное состояние нельзя было назвать превосходным. К следующему понедельнику я уже валялась с ног. Спала я урывками, в те утренние часы, когда меня подменял Гариб, да и в эти часы я не могла толком забыться из-за страха за Александра. От недосыпания у меня воспалились глаза, лицо осунулось, движения замедлились, я, казалось, едва волочила ноги. Я не смотрелась с зеркало, не причесывалась, и волосы у меня свисали слипшимися прядями. Иной раз я ощущала себя сомнамбулой, которой движут лишь две мысли: дождаться, чтобы Александр пришел в сознание, и выспаться.

«Боже, неужели именно сейчас Ты заберешь его? – спрашивала я и в своем отчаянии обращалась к аргументам, которые раньше сама отвергала: – Ведь он сражался за Тебя, за веру, за священников, против республиканцев! Неужели он был не прав? Неужели его силы этой борьбе уже не нужны Тебе?» В душе я, конечно, понимала, что мой муж совершил довольно много грехов. Он убивал, и не раз. Но я так любила его, что порой была твердо уверена, что сумею спасти Александра силой этого чувства.

7

У меня было не очень много возможностей для того, чтобы вникнуть в подробности случившегося несчастья, но в конце концов ход событий стал мне понятен. 31 августа 1799 года отряд Александра, встречавший барку с английским оружием, был застигнут редким нынче отрядом береговой охраны. Три пули поразили его на месте, четвертую, едва не задевшую сердце, выпустил, на миг обернувшись, убегающий синий солдат. Этот поход вообще был трагичен, ибо погибло двенадцать шуанов – три четверти того состава, что был тогда на берегу близ Сен-Мало.

Я узнала все это у местной повитухи. Она приходила к раненому, готовила травяные отвары – от жара, кровотечения, рвоты, от злых духов и колдовства лесных фей. Ее снадобья, увы, не очень-то помогали. Я дожидалась доктора, и д'Арбалестье, наконец, приехал – в понедельник вечером.

— Боже! – воскликнул он, едва взглянув на меня. – Вы сами похожи на умирающую, мадам.

— Он не пришел в сознание, – сообщила я, словно не слыша его слов. – У него, как и прежде, жар... ах, я не знаю, как все это может так долго продолжаться!

— Не могу вас успокоить, мадам герцогиня, ибо точного срока нет... Но, может быть, беспамятство – это и к лучшему, так он меньше страдает.

Он сделал перевязку, осмотрел раны, смазал их чем-то, похвалил меня и оставил какие-то порошки на туалетном столике.

— Главное, мадам, укрывайте его. Ему необходимо тепло.

— Но как же? Он весь горит, доктор!

— Укрывайте, даже если он сопротивляется. Не ленитесь. Кладите горячие кирпичи, завернутые во фланель, ему в ноги. С потом выходят все вредные вещества... А в остальном – будем надеяться на Бога.

— А каким вы находите его состояние?

— Скажу вам честно, не самым лучшим. Однако господин герцог выдержал столько дней и остался жив. Так что надежда есть... Да, кстати: давайте ему красное вино по ложечке в час, это прибодрит его.

Окинув критическим взглядом мою фигуру, д'Арбалестье мягко заметил:

— А вам я настоятельно рекомендую отдохнуть, мадам. Если вы хоть немного дорожите своим ребенком, забудьте о муже, выпейте молока с медом и хорошенько выспитесь. Без сна вы долго не продержитесь.

Он удалился, пообещав, что заедет на днях. Я знала, как опасны сейчас дороги, поэтому ценила то, что он все еще к нам ездит. Что же касается сна, то, конечно, за совет я была ему благодарна, но выполнить эту рекомендацию тотчас не могла себя заставить. Сейчас были другие дела. Разве не говорил доктор о красном вине?

Я поднесла к губам Александра ложку вина и почти насильно влила ему в рот. Потом стала готовить для него питательный напиток. Все продукты у меня были здесь, не приходилось бегать на кухню... Я подбросила ароматных трав в очаг, повесила к крюку в камине чайник и пошла к столу, чтобы взбить яйца. Двигалась я неуклюже, ибо сильная усталость растекалась по всем членам, в ушах шумело. В какой-то миг у меня так закружилась голова, что я, сделав неловкий жест, уронила на пол ложку. Выругавшись, я побрела к звонку, чтобы позвать служанку. Заниматься еще и уборкой – это уже будет слишком для меня... Я позвонила, намочила платок, положила его на лоб Александру и вернулась к столу.

Со двора донесся шум.

— Что такое? – спросила я у вошедшей служанки.

— Люди собрались у крыльца, – пояснила она по-бретонски. – Они просят вас показаться, ваше сиятельство.

Я выглянула в окно. У крыльца толпились, громко переговариваясь, человек двадцать шуанов. Головы почти у всех были обнажены, свои шляпы и колпаки они держали в руках, из чего я заключила, что они намерены вести себя с полной почтительностью. Вероятно, это были люди Александра, пришедшие из лесных убежищ.

— Ну-ка, уберите здесь, – велела я служанке. – Уберите пролитое и проветрите комнату, однако не так, чтоб герцог простудился. Я сейчас вернусь.

Выходя, я бросила взгляд в зеркало и пришла в ужас от своего вида: платье, застегнутое кое-как, было засалено на груди, взлохмаченные волосы, давно не знавшие щетки, слиплись, глаза были обведены желтыми кругами, губы искусаны... Какой неухоженный, неприглядный у меня вид! И это такая герцогиня идет показываться своим крестьянам?

«Ах, да гори оно все огнем! – мелькнула у меня мысль. – Какая им разница, как я выгляжу? Я толком не спала четыре ночи, и впереди у меня, пожалуй, то же самое! А вот они – какой черт их принес чего-то требовать от меня именно в такое время?!»

Пока я шла, шуаны стали шуметь сильнее. Испугавшись, я из последних сил заставила себя прибавить шаг и, выбежав на крыльцо, почти закричала:

— Что такое? Разве нельзя вести себя тише? Вы потревожите господина герцога!

Наступила тишина. Я говорила по-французски и меня, вероятно, далеко не все поняли, что уже один мой вид заставил шуанов притихнуть.

— Мы как раз о сеньоре и хотели спросить, – отозвался наконец один из них и поклонился. – Жив ли он, мадам герцогиня? Что с ним? Отчего никто не объясняет нам ничего?

— А может, – раздался еще один голос из толпы, – может, сеньор так плох, что уже не сможет сражаться? Может, нам лучше отправиться в другие места, к другим начальникам? Господа д’Отишан, Бурмон или Мерсье-Вандея примут нас!

Я пришла в ужас, услышав такое. Да что там – меня просто прошиб холодный пот! Александр вот уже полгода был вне закона, и если бы в Белые Липы заехал какой-нибудь синий отряд или жандармы, его неминуемо арестовали бы. А может, и расстреляли бы без суда! Сам он позаботиться о себе не мог, шуаны были его единственной защитой. Понятно, что они хотят воевать за Бога и короля, но пусть немного сдержат свою прыть, поскольку сейчас им нужно побыть здесь!

— Мне удивительно слышать такое! – воскликнула я, переходя на бретонский. – Герцог жив. Он серьезно ранен, это правда. Но он ранен, потому что сражался вместе с вами. И вы хотите его покинуть?

— Мадам герцогиня, мы просто не хотим бездельничать. Мы желаем воевать за его величество короля, – раздался голоса.

Рослый шуан выступил вперед и, сообщив, что его зовут Бранш-Дор – Золотой Клен, разъяснил мне причину такого нетерпения. Оказывается, в следующую субботу в замке Жоншер близ местечка Пуансэ соберутся 200 шуанских предводителей с тем, чтобы обдумать план всеобщего восстания Вандеи и Бретани против республиканцев. Там каждому шуанскому начальнику раздадут военные поручения. Местный отряд не хочет прослыть сборищем трусов, отсиживающихся в лесу в то время, когда другие роялисты ведут кровавые бои.

— Смелчак Буагарди неделю назад сбежал из тюрьмы в Сомюре, – продолжил он свои пояснения. – Его, правда, ранили во время побега, и пока он не ахти какой вояка, как и наш герцог, однако вскоре поправится и начнет собирать людей... Все вокруг кипит, мадам герцогиня, и нам негоже оставаться в стороне!

Я сжала зубы, чтобы не чертыхнуться. По обилию имен шуанских вожаков, которыми он сыпал, было ясно, что близится нешуточная война – третья шуанерия, когда под ружье встанет каждый крестьянин и дворянин Бретани. Состояние здоровья Александра, конечно, начинало выглядеть для повстанцев как препятствие. Однако для меня было важно, чтобы они оставались здесь в качестве домовой стражи, и я, сдержав раздражение, ответила Золотому Клену в его же ключе:

— Очевидно, что вы не будете в стороне. Как только герцог поправится, он снова поведет вас на синих. – Они смотрели на меня в упор и, казалось, хотели услышать что-то более весомое. Отчаявшись, я воскликнула: – Это... это случится уже к концу сентября. Да, в это время господин герцог будет на ногах! Уверена, что совет в замке Жоншер не объявит восстание раньше октября.

У меня мелькнула мысль о Поле Алэне и, обрадованная, я добавила:

— А господин виконт будет здесь уже через неделю. Он и заменит брата на первых порах! Было видно, что шуаны удовлетворились этим.

— Мы будем дожидаться нашего сеньора, – сказали они.

Я облегченно вздохнула. Махнув рукой, сделала знак бретонцам расходиться и не шуметь. Ко мне приблизился Фан-Лер и высказал их практические просьбы. Я пообещала, что еду и сидр им будут поставлять исправно, и я сама за этим прослежу, хотя, конечно, в душе понимала, что сейчас вряд ли смогу лично этим заниматься.

— Черт возьми, – сказала я со вздохом, вспоминая еще одно из недавних своих обещаний, – где пропадает Поль Алэн?

Управляющий, стоявший рядом, сказал, что тот за неделю до несчастья с герцогом уехал в Англию, но, по любым подсчетам, должен был бы уже вернуться. А вообще-то вполне возможно дать приказание его поискать. Стоит только воспользоваться шуанской почтой и...

— Да, пожалуйста, сделайте это! – вскричала я раздраженно. Раздражение мое питалось еще и тем, что видеть деверя вообще-то не было для меня вожделенным желанием; я не любила его теперь и ждала от него только проблем лично для себя. Однако выхода сейчас не было. – Он нужен здесь! Должен же кто-нибудь управлять этими вояками, я никак не могу этим заниматься, не могу! Пусть Поль Алэн узнает, наконец, что в поместье нужна его помощь!

Я чувствовала себя так дурно, что мне казалось, я вот-вот потеряю сознание. Оставив управляющего, я ушла в дом, там почти в тумане добралась до кухни и, отыскав ведро, с глухим стоном склонилась над ним. Меня вырвало так, что, казалось, изверглись внутренности. Когда я выпрямилась, ноги у меня дрожали. Сил совершенно не было. В этот миг я впервые серьезно подумала о том, что должна отдохнуть. Иначе, пожалуй, я умру...

Служанки окружили меня. Сделав жест рукой, я заставила их умолкнуть и едва внятно пробормотала:

— Ну-ка, одна из вас... меня нужно проводить наверх.

Пока я плелась по лестнице, опираясь на руки служанок, перед моими глазами летали черные мушки. Прежде чем решиться на отдых, я подошла к Александру, напоила его, снова смочила платок. Его состояние, как мне показалось, чуть улучшилось, по крайней мере, он лежал тихо и не бредил. Повязки все еще были свежие. Я приказала постелить мне на кушетке рядом с его постелью, и, пока мое приказание исполняли, размешала сонный порошок в склянке и залпом выпила. Потом умылась, пытаясь хоть чуть-чуть освежиться.

Расшнуровав корсет и сбросив с себя платье, я осталась лишь в нижней юбке и лифе. Едва дойдя до кушетки, я рухнула на нее лицом вниз и уснула, как убитая.

8

Минуло еще два дня, а лихорадка не прекращалась и Александр не приходил в сознание. Жар, правда, не усиливался. Однако каждый день приносил разочарование. Рана в боку разошлась от резкого движения Александра, когда он в бреду попытался подняться. Ее снова зашили, но воспаление не проходило и приносило большие мучения.

Я по-прежнему делала все, что было возможно, почти никого не подпуская к мужу, но он меня уже не многое зависело. Я умывала его, меняла белье, сидела с ним до изнеможения, надеясь, что хоть мое присутствие облегчит его боль. Слезы, срывавшиеся с моих ресниц, капали ему на руку, но он ничего не чувствовал. Я уже теряла надежду...

В среду вечером стук экипажа раздался во дворе. Я выглянула и увидела старый сент-элуаский шарабан. Вне себя от радости, я спустилась вниз, и через минуту уже обнимала близняшек, бросившихся мне на шею. Из экипажа выходили Аврора с уснувшим Филиппом на руках.

— Я не могла не приехать, – сказала она. – Тебе ведь нужна помощь, правда, мама?

— Да, но...но как же ты отважилась на такую дорогу, одна, с малышами на руках?

Негромкой скороговоркой она сообщила, что дети очень скучали по мне и, узнав, что Аврора собирается в Белые Липы, не отступили, пока не получили заверения, что поедут с ней. Маргариту в очередной раз сломил ревматизм костей – как только пошли осенние дожди, так она и слегла... За ней ухаживает Франсина. Маргарита наказывала передать, что прибудет на помощь сразу же, как только сможет двигать руками и ногами, а пока побудет в Сент-Элуа: не следует, дескать, сваливать на плечи мадам Сюзанны дополнительную ношу в виде еще одного больного человека.

— В этом она права, – сказала я с горестным вздохом, принимая у Авроры малыша. – Однако я молюсь о том, чтоб не ей довелось сюда ехать, а я смогла вернуться домой!

— Ах, мама! Теперь уже никто не разберет, в каком из поместий твой истинный дом.

Бросив на меня быстрый взгляд, она добавила:

— От тебя осталась только тень, пока ты ухаживала за господином герцогом...

Приезд Авроры меня несказанно обрадовал. Я знала, что ей я могу доверять, что могу оставить на нее Александра, когда мне нужно будет отдохнуть. Она не подведет меня. И действительно – с того часа, как она приехала, мне стало намного легче. А дети... Если в каком-то уголке сознания у меня и мелькала мысль о том, что Александр может умереть от ран, приезд маленького Филиппа в этом контексте выглядел правильным: мальчик хоть сможет проститься с отцом.

Но подобные мысли были страшны. Я отгоняла их с негодованием, почти яростно, хоть в состоянии моего мужа и не происходило перемен к лучшему.

В четверг явился, наконец, Поль Алэн. Слуги шептались, что действительно прибыл из Англии. Звеня шпорами, встревоженный, с почерневшим лицом он, словно не замечая меня, прошел к брату. Кулаки его сжимались, мне даже показалось, он глухо застонал. Потом круто повернулся и вышел.

Час спустя я перехватила служанку, которая несла Александру какое-то темное пряное варево в горшке.

— Что это? – спросила я с подозрением.

— Это господин виконт передал мне травы и велел их сварить, а после напоить господина герцога.

Я пропустила ее, потому что знала, что Поль Алэн зла брату не хочет, но сама оправилась к нему и, несмотря на то, что виконт не здоровался со мной и не разговаривал, потребовала объяснить, в чем дело.

— Что это вы приказали дать Александру? – спросила я.

Зло глядя на меня, Поль Алэн отчеканил:

— Это травы, привезенные нами из Индии. Если бы Александр больше доверял вам, он бы посвятил вас в это.

— Вы утверждаете, что этот индийский отвар поможет? – снова спросила я, не обращая внимания на его выпад.

— Без сомнения.

Я ушла, надеясь, что это так. В конце концов, надо было пробовать все средства, которые имелись в нашем распоряжении.

Несмотря на то, что в Белые Липы приехала Аврора, и Поль Алэн тоже взял на себя часть забот, все-таки иногда приходилось на короткое время доверять Александру сиделкам, и их легкомыслие приводило меня в бешенство. Ни одной из них ничего нельзя было поручить с доброй душой, ни одна не проявляла истинного рвения и уж конечно не боролась за жизнь герцога. Даже такие простые приказания, как убрать со стола, принести воды или сбегать за полотенцами приходилось порой повторять дважды. Я выходила из себя, кричала, даже раздавала пощечины. Дни, проведенные в сильнейшем напряжении возле постели Александра, лишили меня самообладания. На то, что происходит за пределами его комнаты, я и вовсе не обращала внимания, не следила за кухней, уборкой, хозяйственными помещениями, была равнодушна к поведению слуг, не интересовалась, какой собран урожай.

Была середина сентября. Осень уже заявляла о себе: начались затяжные дожди, уже не очень-то теплые, все более частым гостем становился туман, небо все реже было свободно от непроницаемой серой пелены. В зеленом убранстве парка уже мелькали рыжие пятна. Погода стояла холодная, холоднее, чем обычно в Бретани в это время.

В субботу вечером управляющий попросил меня спуститься, чтобы подписать какие-то бумаги. Прежде чем уйти, я несколько раз повторила служанке:

— Ни в коем случае не оставляйте герцога одного! Ни на минуту, вы слышите?

Она кивала. Я ушла, а когда через четверть часа вернулась, то услышала голоса за дверью. Встревоженная, я влетела в комнату. Служанка, как выяснилось, распахнула балкон и, перегибаясь через балюстраду, беседовала с каким-то ухажером, стоявшим внизу.

— Закрой балкон! – вскричала я, вне себя от ужаса. – Закрой балкон, негодяйка, разве ты не понимаешь, что он может простудиться!

Я почти за волосы оттащила ее прочь, захлопнула балконную дверь и, поглядев на служанку, сжала кулаки – до того мне хотелось задать ей трепку. Подумать только, она будто не знает, что на улице уже довольно холодно, а здесь лежит раненный с горячкой! Я сдержалась, в бешенстве бросив:

— Пошла вон, дурная девка! Чтоб я больше тебя не видела!

Разделавшись с ней, я бросилась к Александру. С ним, кажется, все было по-прежнему, он что-то тихо шептал. Я подогрела для него вино, влила по ложечке в рот, потом немного прибралась на столе, приготовила питательный напиток и оставила его, чтоб чуть остыл. Затем подумала, что уже пора бы сменить простыни на постели.

И в тот же миг я почувствовала: что-то неладно. Вернее, что-то не так, как прежде.

Я отступила от стола и оглянулась по сторонам, пытаюсь выяснить, что же меня встревожило. И тут поняла: тишина.

Мой взор обратился к Александру. Дрожь пронзила меня. Отбросив с лица волосы, я сделала несколько шагов к кровати. Герцог дышал необычно тихо. Впрочем... кажется, даже дыхание не срывалось с его губ. Никогда прежде он не был так тих и неподвижен. Неужели... неужели он...

— Боже! – прошептала я в смертельном страхе. – Он умер!

Ноги у меня были как ватные. Превозмогая страх, я приблизилась к мужу и склонилась над ним. И я едва не села на пол, когда вдруг увидела, что он смотрит на меня, и глаза его широко открыты.

Взгляд этих глаз был еще туманен, как у человека, который только что проснулся. Я прижала руку ко лбу, проверяя, не кажется ли мне все это, и тут заметила, что он проследил за этим моим движением. Это были глаза человека в сознании!

У меня перехватило дыхание. Я склонилась над ним еще ближе, уже хотела прошептать – нет, даже прокричать, видит ли он меня, но его рука шевельнулась, чуть поднялась и коснулась моих пальцев.

— Сюзанна, – прошептал он.

— Да, – проговорила я чуть не плача. – Да! Да! Это я.

Взгляд его оставался тусклым, однако было ясно, что впервые за много дней он узнал меня и сейчас будто старался собраться с мыслями и высказать их.

— Да благословит тебя Господь. Я...

Слова едва можно было разобрать, он говорил слишком тихо и путанно. Но он очнулся. Он понимал, что с ним! Едва сдерживая рыдания, я склонилась над ним, коснулась губами его щеки, потом поспешно подтянула одеяло к его подбородку.

— Тебе нельзя сейчас много говорить, – прошептала я срывающимся голосом. Меня душили слезы. – Помолчи. Я люблю тебя!

Он закрыл глаза, видимо, этот короткий разговор утомил его.

— Спи, – сказала я. – Тебе нужно много отдыхать. Так ты быстрее встанешь на ноги...

Теперь я уверена была, что он будет жить. Он выдержал эти ужасные две недели и сейчас пришел в сознание. Все остальное – раны, швы, воспаление – он преодолет. Отныне мой муж быстро пойдет на поправку!

Это была милость Божья, но не только – это был личный триумф для меня, которая столько плакала и молилась. Неужели Бог явил милосердие, дал нам второй шанс на счастье?!

Какое-то время я не могла двигаться, преодолевая слезы. Но потом волна радости ошеломляющей силы накатила на меня, и, поднявшись, я сделала шаг к двери.

Да нет же, я не могла жить, не рассказав всем об этом! Чувства переполняли меня. Оставив Александра, я выбежала из комнаты, выскочила на лестницу и чистым, звонким голосом прокричала в глубину этого старого дворца:

— Он очнулся! Пришел в себя! Вы слышите?

И, набрав воздуха в легкие, добавила еще громче:

— Он не умрет!!!

9

За эти две недели, пока мой муж был между жизнью и смертью, я глубоко осознала, насколько люблю его. Я и не думала раньше, что это чувство так велико. Кроме того, в этом чувстве появились некоторые новые необычные грани: сейчас, после ранения Александра, я, как и раньше, вполне могла допустить мысль о том, что мы, возможно, не будем жить вместе... но, с другой стороны, не могла даже помыслить о том, что он вообще не будет жить.

Уже одно то, что он есть на свете, ходит по одной со мной земле, возвращало мне душевное равновесие. И даже несмотря на наши прошлые жестокие ссоры, я как никогда понимала, что мы созданы друг для друга. Ни о каком другом мужчине я не могла бы так сказать, да и существования такого мужчины не представляла.

Все эти недели он принадлежал мне. Его приходили навестить и брат, и старая герцогиня, чуть позже – сын и дочери, да и многие шуаны, но я знала, что силы возвращаются к нему лишь от прикосновения моих рук и что именно мне он обязан выздоровлением. Это осознал и он сам, так что в эти сентябрьские дни мы были как никогда едины. И я была горда и тронута тем, что этот сильный мужчина так нуждается в моих заботе и ласке.

Эти дни, как ни прискорбны они были, сблизили нас больше, чем четыре года брака.

Александр поправлялся медленно. Первое время после того, как сознание вернулось к нему, он еще не мог говорить и двигаться и больше спал. Жар еще досаждал ему, но теперь это не шло ни в какое сравнение с тем, что было раньше. Раны затягивались. Та, что в боку, дважды зашитая, причиняла боль, но и в этом случае можно было надеяться на лучшее. Беспокойство вызывала лишь правая рука. Вернется ли к ней подвижность? Никто, даже доктор, не мог сказать ничего определенного, пока не будет снят лубок.

По-прежнему тяжелыми были перевязки. С тех пор, как Александр очнулся, он не позволял себе даже застонать – лишь скрипел зубами, когда бинты отрывали от тела.

Утром я склонялась над ним, целовала, потом принималась за его туалет: протирала ему лицо полотенцем, смоченным в воде, гребнем причесывала его густые черные волосы, ставшие, как мне казалось, чуть мягче за эти дни. Мне было так приятно ухаживать за ним, зная, что он выздоравливает. Так нравилось делать ему хорошо.

«Да благословит тебя Господь», – это было первое, что он мне сказал, когда пришел в себя. Когда он снова открыл глаза, с его губ сорвались такие же слова. Позже он признался, что постоянно ощущал мое присутствие, просто был не в силах это показать.

— Мне казалось, что мое тело висит в воздухе. Это, должно быть, от большой потери крови. Не было ни боли, ни страха. Настоящая эйфория.

— Д'Арбалестье говорил то же самое, – прошептала я. – Он уверял, что твое забытье – к лучшему, потому что ты ничего не чувствуешь.

— Тебя я чувствовал, сага. Ты была как ангел-хранитель, я все время знал, что ты рядом. Не знаю, чем заслужил это.

Его голос звучал нерешительно, словно он мысленно очень упрекал себя в чем-то. Я погладила его волосы. Александр взял мою руку, чуть оттянув кружевной рукав, хотел поднести к губам мое запястье, но вдруг остановился.

— Боже праведный, что это? – спросил он тихо.

На моей кисти чернели пятна синяков. Я смутилась.

— Это я сжимал тебя за руку? – догадался он.

Я не сразу ответила. В бреду он и вправду бывал агрессивен. Подумав, я произнесла:

— Да ведь я тогда не обращала на это внимания, Александр.

— Но тебе не следовало позволять такое, дорогая. Даже если я был при смерти.

— Я тоже... тоже была при смерти тогда, – вырвалось у меня. – Не до этого было.

Он коснулся губами сначала моей ладони, потом синяков так почтительно и деликатно, что это меня тронуло.

— Не знаю, – прошептал он, – стоит ли спрашивать тебя...

Мы оба как-то незаметно перешли на «ты», и это казалось самым естественным в нынешней ситуации.

— Ты можешь спрашивать о чем угодно. Ты не представляешь, как я рада, что ты говоришь, видишь меня. Что ты в сознании.

Александр, сделав усилие, приподнялся на здоровом локте и заглянул мне в лицо.

— Касательно всего, что было между нами... Мне кажется, я достаточно наказан, дорогая моя, поверь. Когда ты была в Сент-Элуа, я познал танталовы муки.

— Но тебя тоже не было здесь, Александр. Ты был далеко от Белых Лип.

— Все равно. Я знал, что мое семейное гнездо пусто, что ты строишь свою жизнь где-то в другом месте, сама. Сюзанна, можешь ли ты...

Он осекся. Странно было видеть, до чего нерешителен он стал. Он, казалось, даже не решался смотреть на меня.

— Хочешь ли ты вернуться?

Я терпеливо ответила, удивляясь в душе, что этот вопрос так волнует его в то время, когда он должен думать только о своем выздоровлении:

— Я буду в Белых Липах до тех пор, пока нужна тебе, Александр. Мой милый, ты же знаешь, что я люблю тебя. Об остальном мы поговорим позже.

Он слабо улыбнулся:

— Хорошо. Я не смею настаивать. Боюсь все испортить.

Я помогла ему опуститься на подушки, уложила поудобнее, стараясь не касаться поврежденной руки. Он устало закрыл глаза. Я смотрела на мужа, чувствуя в душе и боль, и нежность. Надо же, он хочет, чтобы я вернулась в Белые Липы. Но зачем? Что ждет меня здесь? Ведь он уедет воевать, я в этом не сомневалась. Вскоре вспыхнет новая шуанерия. Что я буду делать в этом огромном доме, полном враждебных родственников и слуг, которые осведомлены о глубокой размолвке, расколовшей наш брак?

Он пробормотал, открыв глаза:

— Мне больно видеть тебя такой, дорогая. Ты так бледна. Я замучил тебя. Ты, наверное, совсем не спишь.

— Ты не должен тревожиться, – сказала я.

— Не должен тревожиться? Ты столько сил отдаешь, чтобы выходить меня, и я не должен тревожиться? Я был не самым внимательным мужем, Сюзанна, но законченным негодяем, думаю, не стал.

И уже совсем тихо он добавил:

— Все изменится. Мы наладим нашу жизнь, обещаю.

Я не хотела, чтобы он сейчас, еще такой слабый, мучился подобными мыслями и строил планы, как все между нами исправить, но в целом он был прав. Нам обоим нужно будет крепко

подумать над тем, как начать с чистого листа. Но предстоящая война, сказать прямо, смешивала все карты.

Кроме того, он был прав относительно моей крайней измотанности. Я пару недель спала урывками, ела кое-как и очень похудела. Несмотря на беременность, я не прибавила в весе, а потеряла около двенадцати фунтов. У меня ввалились щеки, а темные круги под глазами стали привычной чертой облика. Часто, глядя на себя зеркало, я думала, что надо, очень надо проглотить обед из шести блюд и лечь спать на целые сутки.

— Ты должна отдохнуть, — настойчиво повторил Александр. — Пожалуйста, хотя бы ради наших детей, Сюзанна. Да и если мое спокойствие тебе дорого, ты оставишь меня. Боже мой, дорогая, ведь на тебе лица нет!

— Хорошо. — Я кивнула и слабо улыбнулась. — Воля мужа — закон для меня...

Я знала, что теперь в мое отсутствие ничего плохого не случится.

Уже ложась спать, я подумала: «Он ведь ничего не знает о ребенке». Стоило ли ему говорить? Я колебалась, не зная, на что решиться. Близится война... Удастся ли мне выносить это дитя после стольких тревожений? Несколько раз за последние недели я видела пятна крови у себя на белье, и понимала, что только воля Божья оберегает меня от выкидыша. Может, через день-другой и говорить-то будет не о чем... С другой стороны, не заставит ли меня Александр остаться в Белых Липах, узнав о ребенке? Боже, если бы я знала! Мне хотелось сохранить свободу решений подольше.

Я решила с признаниями повременить и с этой мыслью уснула.

10

Доктор до поры до времени запретил Александру напрягаться, и я сама читала мужу все газеты, письма и счета, приходившие в поместье. К концу сентября герцог уже мог сидеть. В кресле слуга вывозил его на террасу. Осеннее солнце скользило по терракотовой плитке пола, играло в переплетах окон. Шуршали под дуновением ветра набившиеся под балюстраду желтые и красные опавшие листья. Я садилась рядом с мужем, он перебирал мои пальцы, и мы подолгу молчали, думая о нашем прошлом и будущем. Солнечные лучи грели мне лицо, и в этих приятных остатках тепла были для меня и надежды, и мечты о лучшей жизни, и блаженное облегчение, не покидавшее меня ни на миг с той поры, как я поняла, что Александр не умрет.

Но, когда молчание прерывалось и я начинала читать вслух, вся эта идиллия испарялась. В газетах печаталось много сообщений о политических событиях, Александр нервничал, хмурился, сжимал кулаки, очень напоминая себя прежнего, неистового, и я ужасно боялась, что у него откроются раны. Однако еще больше он сердился, когда я пробовала умолкнуть и ничего ему не сообщать.

В сентябре 1799 года после череды поражений военное счастье снова улыбнулось Директории. Еще летом все в панике ждали вторжения русских полков — после побед Суворова, отвоёвавшего у французов Италию, оно казалось неотвратимым. Но шли недели, а катастрофа не наступала. Суворов, преданный своими австрийскими союзниками, сам оказался в затруднительном положении. Ценой величайших усилий он перешел обледеневшие Альпы и спустился в предгорья Баварии. Император Павел вскоре отозвал его на родину. Оккупация Франции, казавшаяся неминуемой, была предотвращена руками австрийцев.

Республику спасли и победы генерала Массена, который обрушился на армию Римского-Корсакова и разбил ее под Цюрихом, а так же триумф генерала Брюна над англо-русскими войсками герцога Йоркского. Брюн разбил последнего в бою при Бергене, обратив в бегство 44 тысячи неприятелей и взяв в плен русского генерала Германа. Голландия, таким образом, была очищена от англичан.

Я прочитала последнее сообщение и почувствовала некоторое замешательство. Брюн? Что это за фамилия? У меня мелькнуло воспоминание о моем мимолетном любовнике, молодым Гийоме Брюне, национальном гвардейце. Летом 1792 года он, страстно влюбившись, даже набивался мне в мужья... Сейчас я даже лицо его представляла очень смутно. «Неужели, – подумала я, – он стал генералом, да еще таким знаменитым? Не может быть!» Тогда, семь лет назад, он совсем не казался мне таким уж способным... Впрочем, я знала, что за годы революции и бесконечных войн целая плеяда таких вот простых национальных гвардейцев сделала головокружительную карьеру в армии – взять хотя бы ранее неизвестного Наполеона Бонапарта.

Голос Александра вывел меня из задумчивости. Я подняла голову, только сейчас уяснив, что он что-то говорит.

— Мы должны выступить, – произнес герцог довольно мрачно, – даже если войска коалиции отступают. Пусть это будет в последний раз, но мы должны попытаться, и на этот раз все вместе.

— Вы... вы жалеете, что французы побеждают?

— Я француз. Но я обрадуюсь кому угодно и чему угодно, только не директорам и не Республике. Ну, Сюзанна, вы же не хуже меня знаете, как живодеи от революции умеют рядиться в патриотическую тогу. Я не намерен им подыгрывать только потому, что родился с одной с ними стране.

Взглянув на меня, он повторил:

— Да, я сожалею, что англичане и русские отступают. Это означает, что мы здесь, в Бретани, остаемся совсем одни.

Я знала, что, как только Александр почувствует в себе силы держаться в седле, он вступит в войну, знала, что это неизбежно, поэтому даже не пыталась отговаривать. Шуанерия тем временем розгоралась по-настоящему, и вся Бретань была похожа на пороховую бочку: лишь чиркни спичкой – и прогремит взрыв. Неделю назад в Нормандию прибыл из Англии граф де Фротте, и уже к вечеру того же дня под его знамена встали 22 тысячи человек.

— Вы именно графа де Фротте признаете руководителем? – спросила я.

Александр пожал плечами. И ответил, как всегда, скупно:

— Дворяне, без сомнения, предпочитают графа. Однако я примкну к Кадудалу, поскольку меня восхищает сила духа этого человека. Думаю, за ним большое будущее.

Он стал говорить мне чуть-чуть больше о своих делах, но было видно, что по-прежнему делает это неохотно. Что было тому причиной? Неужели он не доверяет мне?

Александр заметил мое замешательство и, протянув руку, ласково коснулся моих пальцев.

— Мне трудно говорить об этом, Сюзанна. Я знаю, как настораживают вас мои планы, и не могу не упрекать себя. Я знаю так же, что уделяю вам лишь десятую часть того внимания, которого вы заслуживаете. Да и, по правде говоря, вы заслуживаете куда лучшего супруга.

Я улыбнулась уголками губ.

— Какое самоуничижение, господин герцог. Что-то это на вас не очень похоже.

— Я говорю серьезно.

Его голос прозвучал мягко и искренне. Взяв меня за руку, он подался вперед и заговорил с горячностью:

— Умоляю вас, Сюзанна, оставайтесь здесь. Я клянусь вам, что вас не ждут неприятности. Этот дом будет больше ваш, чем мой. Простите меня, дорогая, и вернитесь сюда. Я буду относиться к вам как к мадонне, уверяю вас.

— Ни больше ни меньше? – спросила я усмехнувшись.

— Вы напрасно иронизируете. Я ничего не хочу так, как вашего возвращения. Мне понятно, что я, возможно, вовсе не имею права на какие-либо просьбы... вы и так сделали гораздо больше, чем должны были, а уж о том, что сделал я, мне до сих пор страшно вспом-

нить. Но я сожалею. Я никогда ни о чем так не сожалел, как о том, что жестоко обошелся с вами. Я не прошу вас простить меня сейчас. Я лишь прошу вас вернуться.

— Александр, – ответила я мягко, – я не могу сейчас ничего сказать, мне над всем этим надо еще подумать.

— Думайте. Я не буду вас торопить. До конца октября у меня еще есть время на уговоры. Только, прошу вас, помните...

Его глаза улыбались.

— ... помните, сага, что я люблю вас, как ни одну женщину никогда не любил.

Сага... Одно это слово воскрешало в памяти те ослепительные, медовые весну и лето, которые он подарил мне в 1796 году. Если я и была когда счастлива по-женски полностью, так это тогда, в те блаженные полгода. Соблазн пережить все это еще раз был велик... Я качнула головой, показывая, что, возможно, и верю ему. Но вопрос о возвращении еще следовало обдумать. Правда, теперь мое настроение было явно иное, чем три месяца назад. Теперь я с удивлением замечала, что, кажется, была бы не прочь остаться. Но что-то еще удерживало меня. Все-таки там, в Сент-Элуа, я была так независима... Что ни говори, а это состояние имело свои плюсы.

— Вы так бледны, – вдруг произнес Александр. – Дорогая, я беспокоюсь за вас. Что с вами? Вы плохо спите?

Какую-то секунду я молчала. Потом сказала почти уверенно:

— Да, прошлую ночь я действительно почти не спала.

— Почему?

— Думала о вас, – ответила я кокетливо.

Он улыбнулся.

— Я польщен, однако если вы все время будете так бледны, то сон уйдет и от меня.

Я не знала, что сказать. Обещать, что бледность пройдет, было нельзя. Напротив, она будет усиливаться, ибо беременность я переносила с каждым днем тяжелее. Совсем иначе, чем с Филиппом. И в последнее время стала замечать, что даже двигаться предпочитаю меньше – мне нравилось подолгу сидеть рядом с выздоравливающим мужем и не бегать по этажам.

11

Я нашла, наконец, время, чтобы просмотреть домовые книги и разобраться с хозяйством, и выяснила весьма неприятные вещи: урожай во всех отношениях был плох; скверная погода, дожди и град свели его почти на нет. Мы могли подсчитывать только убытки, о прибыли речь не шла. Оставалось надеяться, что, возможно, из-за войны с Белых Лип не взыщут налоги. А вообще неустойчивость наших доходов меня беспокоила. Мы много потеряли в этот год и было неизвестно, получим ли что-либо в следующем. Главная беда состояла в том, что хозяйством, по сути, некому было заниматься: характеры Александра и Поля Алэна как нельзя меньше соответствовали образам помещиков-землевладельцев, а я... для меня такая махина, как Белые Липы, была слишком неподъемна. Управляющий, понимая, что в семье герцогов дю Шатлэ нет никакого постоянства и генеральной линии, работал, как все нанятые управляющие, то есть спустя рукава, и, вероятнее всего, воровал.

— Минус десять тысяч ливров, – произнесла я вслух цифру убытков, по старинке именуя франки ливрами. И подумала: «Слава Богу, для восстановления Сент-Элуа появился отдельный источник притока денег – английское поместье, ибо из доходов Белых Лип я вряд ли могла бы в этом году что-то выделить».

Хозяева мы были, конечно, не ахти какие. В нынешнее время, когда тон задавали активные и ловкие буржуа, это было особенно заметно. Я по мере сил пыталась, конечно, что-то наладить – например, в прошлом году, еще до нашего с Александром раздора, закупила новые куль-

туры, планировала развести новую породу коров, но... это выглядело как первые шаги ребенка на фоне победной поступи, скажем, того же Рене Клавьера, о котором все газеты писали, что он наделен даром извлекать деньги из воздуха.

Сообщалось, в частности, что в этом году он стал собственником полудюжины самых замечательных французских замков, настоящих жемчужин истории и архитектуры, – Вилландри, Азэ-ле-Ридо, Марли, Лувесьенна и прочих. Он скупал лучшее из так называемых национальных имуществ – тех имуществ, которые были в свое время отобраны у эмигрантов, и поскольку мог легко совершать самые крупные сделки, можно было предполагать, что наличности у него вдоволь.

Иногда, наживаясь на тяжелом положении «бывших», он не отказывал себе в любезных жестах. Скажем, приобретя роскошный отель Монтессон, парижскую резиденцию герцога Орлеанского, сей банкир галантно подарил его вдове, мадам Монтессон, взамен квартиру, чтоб почтенная пожилая герцогиня не осталась уж совсем без крыши над головой.

Старый конек – торговля колониальными продуктами – по-прежнему приносила ему баснословные прибыли: за год на этом Клавьер зарабатывал, по подсчетам газетчиков, до 500 тысяч франков. Богатства его на этом поприще были таковы, что он привлек к руководству делом всех своих родственников, открыл торговый дом в Филадельфии и Новом Орлеане... Помимо колониальной торговли, он давно и прочно оседлал нового конька – военные поставки. В руках банкира оказалось право быть главным поставщиком французского и испанского флотов, главным снабженцем Итальянской армии. Вкупе этот грандиозный контракт с Директорией тянул на 64 миллиона.

Понятно, что такие успехи были бы невозможны без связей с правительственными взяточниками. О нерушимой дружбе Клавьера с Баррасом, задающим тон в Директории, давно было известно: они, по слухам, делили не только прибыль, но и любовниц, к примеру, восхитительную Терезу Тальен, одну из самых знаменитых щеголих нынешней продажной эпохи. Тереза ежегодно рожала по ребенку, но, поскольку у нее имелся еще и законный муж, происхождение этих детей установить было невозможно – их отцом мог быть и директор, и банкир, и сам господин Тальен.

Но благосклонности одного Барраса, по-видимому, Клавьеру было уже мало. Он заглядывал в будущее и обзаводился разнообразными полезными связями: неограниченно ссужал деньгами Жозефину Бонапарт, кредитовал генерала Бернадотта, в котором многие усматривали руководителя будущего возможного переворота, строил доверительные отношения с министром юстиции Камбасересом и главой казначейства Тюрпенем.

В парижском свете рассказывали анекдот о том, как Рене Клавьер явился со взяткой в 100 тысяч франков к чиновнику военного министерства Роберу Линде. «Что вы себе позволяете, гражданин? – возмутился последний. – Немедля удалитесь, или вас с вашими подношениями выкинут в окно!» Однако банкир давно забыл то время, когда его могло смутить внешнее проявление чиновничьей неподкупности. «Что такое? – приподнял он бровь. – Я обычно приношу столько же гражданину Баррасу и гражданке Бонапарт. Они, не в пример вам, всегда были довольны. И потом, подумайте: удобно ли выбрасывать в окно человека, который пришел с добрыми намерениями и дарит вам сто тысяч франков?» Тон его был так многозначителен, а называемые имена – столь громки, что гражданин Линде решил не продолжать патриотический спектакль.

Немыслимо: Клавьер подружился даже с Талейраном, с которым прежде был в ссоре. По крайней мере, когда у министра иностранных дел весной 1799 года возникла нужда в презентабельном особняке, банкир весьма любезно и со скидкой уступил ему аренду великолепного дома на улице Тэтбу, который раньше снимал сам. Услуги, оказываемые им влиятельным людям, были столь многочисленны, что, казалось, он не только стремится посредством этого

иметь доступ к государственным заказам, но и боится на случай возможного преследования в будущем.

Надо сказать, я внимательно следила за всем, что писали о Клавьере, и рост его могущества, несравнимый с прежними временами, немного меня тревожил. Поглядывая в окно гостиной, я видела золотистые головки Изабеллы и Вероники, которые, щебеча, собирали опавшие листья в парке, и думала: они-то носят фамилию дю Шатлэ, но что будет, если этот богач, хищный и властный, узнает о своем отцовстве? «Не нужно, чтобы господин Клавьер видел этих детей, – прозвучали у меня в ушах слова Талейрана. – Иначе он причинит вам уйму неприятностей». Всегда, читая о банкире, оставившем столь испепеляющий след в моей жизни, я ожидала встретить сообщение о том, что он снова женился или собирается это сделать. Но такие вести не поступали. Клавьер обладал громадными богатствами, но не имел признанных наследников, таким образом, значение Изабеллы и Вероники возрастало с каждым годом. Да еще при их-то с ним внешнем сходстве...

«Хорошо, что мы в Бретани, – подумалось мне. – Хорошо, что ему нас здесь не достать! Да, именно здесь мы в безопасности от любых его происков». Кроме того, к счастью, я, по-видимому, давно не входила в сферу его романтических заинтересованностей, если таковые вообще имелись, и могла не волноваться об его поползновениях на свой счет.

Но, конечно, на фоне его успехов наша неспособность справиться со своими немалыми земельными наделами выглядела грустно. Была и еще одна неприятность: пришло из Ренна строгое письмо, в котором нас уведомили о намерении Директории «одолжить» – разумеется, насильственно – у всех богатых людей сто миллионов на нужды армии. Было ясно, что в государственной казне свистел ветер. Причиной этого ветра было неумное воровство самих директоров, и из-за этого роптала вся страна. Однако я понимала, что от риторики дело не изменится, и нам, поскольку мы попадали под понятие «богатых», надо готовиться расстаться с суммой, величина которой мне совсем не нравилась. Эти «займы» совершались не впервые, но воспринимать такой грабеж как нечто обыденное еще было трудно.

Зажав письмо в руке, я поспешила в герцогский зал, чтобы найти мужа. Следовало показать ему это поразительно послание. Но, когда я только подходила к дверям, странный звук насторожил меня: будто что-то упало. Я с силой толкнула створки дверей и, ворвавшись в зал, увидела Александра. Он поднялся с кресла и теперь стоял, покачиваясь и тяжело опираясь на стену. Лицо его блестело от пота, складка залегла между бровями – по всему было видно, что подняться с кресла впервые после ранения стоило ему больших усилий.

Я пришла в ужас. Меня обуял такой страх, что слезы едва не брызнули из глаз. Я бросилась к нему, чувствуя, что вот-вот на меня накатит истерика.

— Александр! О, Александр, не следовало этого делать! Еще слишком рано! Как ты мог! У тебя откроются раны и еще... еще всякое может случиться! Боже мой, и это после того, что было!

Смеясь, он обнял меня одной рукой, проявив силу, которой я от него сейчас не ожидала.

— Успокойтесь, Сюзанна, это ничем не грозит мне. Не плачьте! Будь я проклят, если доставлю вам этим какие-нибудь огорчения.

Он поцеловал мои глаза, словно хотел убрать с них слезы.

— Это должен был быть сюрприз для вас, сара. Правда, я плохо подготовился, раз вы меня застали за этими попытками.

— Но как же... ведь доктор сказал вам, – пролепетала я, уже чуть успокоенная, – сказал, что пока нельзя... Правда, вы оказались сильнее, чем я думала.

— Еще бы. Мне до смерти надоело быть прикованным к креслу и зависеть от каждого слуги.

— Вы хотели обрадовать меня? – прошептала я.

Он улыбнулся и, наклонившись, ласково поцеловал меня.

— Конечно. А еще я знал, что на днях должен прибыть Буагарди. Да и Бурмон с ним. Не мог же я встретить их как инвалид.

— Вы хотите поскорее поправиться, – сказала я с досадой, – потому что знаете, что тогда сможете уехать.

— Вот уж нет. Уезжать я хочу как раз меньше всего. Просто тогда я смогу обнять вас. Как мужчина, а не как калека.

Я молчала задумавшись. Я только теперь поняла, что с этой минуты, когда Александр самостоятельно встал, выздоровление будет продвигаться очень быстро. У него железная воля. Она поставит его на ноги за считанные дни.

Герцог вдруг оторвал руку от стены, на которую опирался, с усилием повернулся ко мне и, взяв мое лицо в ладони, заглянул в глаза.

— Вы ничего не скрываете, *carissima*?

— Что же мне скрывать?

— Вы бледны. Это не проходит. Уж не больны ли вы?

Я молчала. Он тихо произнес:

— Любовь моя, вы заставляете меня трепетать. Что с вами?

— Ничего, – произнесла я.

— Скажите мне правду, – настаивал он.

— Мы поговорим об этом позже, – сказала я решительно и, чтобы сменить тему, протянула ему письмо. – Взгляните лучше на это. Это любопытно.

Герцог взял письмо, но мою попытку уклониться от разговора воспринял без особой охоты. Он еще какое-то время вглядывался в мое лицо, словно пытался что-то узнать, потом развернул бумагу.

— Это не должно вас беспокоить, – сказал Александр, когда ознакомился с содержанием, и усмехнулся. – Видите, они даже не решаются приехать сюда, они просто пишут. Как же они, по-вашему, осмелятся явиться за деньгами? Синим сейчас страшно в Бретани, дорогая моя.

— Они могут приказать нам самим привезти деньги.

— Но ведь никто не заставляет нас это делать, не так ли? Черт возьми, разве мы разбиты, чтобы исполнять приказы синих?

Он пошатнулся и, забыв, что его правая рука повреждена, ухватился ею за стену. Ругательство невольно сорвалось с его губ. Он сразу же умолк, но от боли пот выступил у него на лбу.

— Ну, вот видите, – сказала я. – Рано еще. Вам нужно сесть. Вы должны щадить себя.

— Проклятая рука, – пробормотал он, скрипя зубами, пока я его усаживала. – Нужно что-то делать с ней. Когда начнется война, мне нужны будут обе руки.

— А мне нужны вы, – прикрикнула я на него внушительно. – Так что ведите себя смирно, пока доктор не даст сигнал к чему-то другому.

Не слушая меня, он тревожно спросил:

— Дорогая, что вы думаете о Бурмоне?

— А что я должна думать? – спросила я лукаво, вспоминая во своем июньском поклоннике и понимая, к чему клонит Александр.

— Ну, я надеюсь, он вам нравится не настолько, как вы старались показать?

— А вас это беспокоит?

— Еще как. Если он вам и вправду нравится, я погиб.

— Вы не идете с ним ни в какое сравнение, Александр, будьте уверены.

— Ну да. Я знаю. У меня покалечена рука, на теле повсюду раны и шрамы, я не могу еще по-человечески двигаться – словом, я теперь полная развалина. Боюсь, сравнения с Бурмоном я не выдержу. Помилосердствуйте, Сюзанна.

Он шутил, подтрунивал над собственной слабостью, но в его голосе я уловила неподдельные тревогу и досаду. Он, кажется, всерьез переживал, зная, что в Белые Липы прибудет граф де Бурмон.

— Не тревожьтесь, – сказала я искренне. – Вы же знаете, что я ваша. Если только вы не будете в этом сомневаться, все будет хорошо.

Он поднес мою руку к губам.

— Прошлогодней ошибки я не повторю. А если начну ошибаться, сделайте мне знак. Я сразу же исправлюсь, обещаю.

Я прижала его голову к груди, ласково погладила волосы. Ах, до чего же приятно, что он так беспокоится. Я, конечно, не хотела, чтобы он мучился этим, – это могло сказаться на его здоровье. Но ощущать, что тобой дорожат, – это было чертовски замечательно, и я не хотела отказывать себе в этом удовольствии.

12

Граф де Буагарди привел в Белые Липы две тысячи своих шуанов и, позаботившись об их размещении, сразу же забыл о своих подопечных и все свое внимание посвятил Авроре. Даже со стороны это выглядело как самый настоящий штурм ее добродетели. Они почти не расставались, и я дважды, неожиданно войдя, заставала их врасплох: они отскакивали друг от друга, как ошпаренные, и, видимо, перед этим целовались. Один раз, проходя мимо гостиной, я ясно услышала звук пощечины, а спустя мгновение оттуда пулей вылетела разгневанная Аврора.

— Что же это такое? – спросила я наконец у нее. – Чего хочешь ты и чего хочет он?

— Ах, мама, если бы я знала! – ответила она с досадой. – Не контролируй меня, пожалуйста! Я и сама все хорошо понимаю!

— Не контролируй? – Раздраженная ее тоном, я совсем забыла о том, как вела себя в ее возрасте и как мне тогда была ненавистна всякая опека. Я понимала теперь, что чувствуют родители, когда дочери вырастают. – Ну, знаешь, дорогая! Предупреждаю, если тебе и сейчас трудно найти подходящую партию, то в том случае, если твоя репутация пострадает, это станет и вовсе невозможным!

— Никто не думает обо мне так дурно, как ты! – вскричала она гневно.

Мы почти поссорились. Я, впрочем, видела, что их отношения заходят довольно далеко, знала, к чему это может привести, и не намерена больше была уступать. Все Белые Липы видели, что у них с Буагарди какая-то связь, и раз это известно в поместье, это станет известно и всей Бретани. А бывают же у связи и такие нежелательные последствия, как ребенок! Видела я и то, что Аврора не так равнодушна к графу, как хочет показать, да и при том, сколько сил он приложил для ее обольщения, пылкой девушке нельзя было остаться равнодушной. Я помнила, на какие глупости толкнула меня первая любовь, и решила, что если через некоторое время граф де Буагарди не сделает по всем правилам предложения, его надо будет остановить, а если это не поможет – отказать ему от дома.

Хотя, конечно, такая мера могла быть предпринята только в крайнем случае. Слава Буагарди гремела по всей Бретани. Арестованный республиканцами в августе, он был посажен в тюрьму Сомюра, в труднодоступную башню Гренетьер. Однако уже в сентябре сумел совершить дерзкий побег, выбравшись из башни по веревке. Во время спуска он сорвался, упал с головокружительной высоты в пятьдесят футов, повредил правое колено и некоторое время вынужден был лечиться.

Лечение, впрочем, не затянулось, и уже в начале октября имя Буагарди с ужасом повторяли республиканские генералы Арти и Шильт: он громил обозы синих, останавливал любой республиканский транспорт и конфисковывал всякое имущество, которое перевозили синие по Бретани и Вандее. Известна была его насмешливая поговорка сомнительного морального

толка: «Синие награбили у нас столько, что теперь настала наша очередь!» Впрочем, граф никогда не трогал обычных путешественников, а некоторых из них, которые казались ему бедными, щедро наделял деньгами.

В Жильбера де Буагарди, высокого красивого мужчину, статного и смелого, зеленоглазого шатена с длинными волосами, связанными сзади лентой (эта прическа придавала ему сходство с пиратом), были влюблены многие бретонки, о нем слагали легенды в деревнях... надо ли говорить, что я прекрасно понимала Аврору и мне не очень-то хотелось с ним ссориться?

Об отношении Поля Алэна к Авроре было трудно говорить определенно. Было заметно, что юная очаровательная девушка нравится ему и что ее флирт с Буагарди заставляет его скрипеть зубами от ярости. Однако обращался он с ней в высшей мере холодно, высокомерно, все его слова, адресованные ей, были злы и насмешливы, в каждой фразе таилось что-то едкое. Аврора просто терялась в его присутствии. Надо сказать, что с Полем Алэном в последнее время вообще творилось что-то неладное. Он был в бешенстве от того, что старший брат помирился со мной и принял решение восстановить супружество, он словно потерял себя. Его ничто полностью не удовлетворяло, даже война.

От шуанов я слышала, что в стычках с синими он шел на ненужный риск и, бывало, искал смерти – по крайней мере, такое складывалось впечатление. Он как-то даже постарел за последний год. Его вспыльчивость перешла всякие границы; он совершал поступки, неожиданные для аристократа, и совсем недавно, например, надавал тумаков конюху только за то, что тот скверно почистил его любимого коня. Иной раз казалось, что Поль Алэн во что бы то ни стало хочет добиться ненависти окружающих. Веселел он лишь тогда, когда на пару дней уезжал к своей любовнице, вдове из Понтиви, но такие моменты благодушия длились недолго и угасали после первого же разговора с братом. Отношения с Александром у него портились.

Граф де Бурмон, несмотря на слова моего мужа, в Белые Липы не приехал. Под его началом воевало пятнадцать тысяч человек, и в середине октября Бретань облетело известие о славных победах этого отряда: Бурмон после упорных боев взял Ле Ман, а двумя днями позже вместе с Шатийоном захватил Нант, продержался там несколько часов, сжег архивы и освободил заключенных. Имя Бурмона становилось знаменитым, он превращался в героя. Другие шуанские отряды взяли Манс, Понторсон, Сен-Жемс, где завладели большим арсеналом. В руки белых перешли Динан, Локминэ, Ла-Рош-Бернар, Сарзо.

Пламя войны ширилось в провинции, разливалось даже по тем бретонским и нормандским областям, куда никогда не попадало прежде, – от Трегора и Корнуайя до окрестностей Кемпера, Кальвадоса, Ла Манша и Орна. Луи де Фротте, подняв на дыбы Нормандию, обещал повстанцам, что на днях во Франции высадится сам граф д'Артуа.

Растянутые по границам департаментов, синие войска не насчитывали и 40 тысяч человек. Республиканские гарнизоны из Бреста и Шербурга попытались объединиться, образовав так называемую Английскую армию под началом генерала Мишо. Однако синие были в таком разительном меньшинстве, а Директория так мало оказывала им помощи, что только отдельные смельчаки из их рядов устраивали шуанам настоящее сопротивление.

Едва Александр узнал о действиях Бурмона, его вынужденному спокойствию пришел конец. Он насилу дождался приезда доктора и, как только д'Арбалестье появился, сразу потребовал, чтобы с руки был снят лубок. Доктор умолял не спешить, но герцог был непреклонен. Руку освободили. Как выяснилось, положение сустава было нарушено, и она почти не работала.

— Это вызвано тем, что сухожилие сократилось, – удрученно пояснил доктор. – Такое бывает, когда рука долго бездействует.

— Можно ли что-то сделать с этим? – робко спросила я.

— Да. Вполне вероятно, что можно. Надо сделать вытяжение сустава, мадам, и надрезать сухожилие. Однако это весьма болезненно и...

Александр прервал д'Арбалестье:

— Я должен стрелять, господин доктор, должен держать шпагу и скакать верхом, а для всех этих занятий мне нужны обе руки.

— Я понимаю, однако...

— Я слышал ваши слова. Я вытерплю боль. – Герцог даже усмехнулся: – Думаю, вы позволите мне выпить перед процедурой пол-бутылки коньяка, чтобы стать менее чувствительным. И потом, вряд ли это будет болезненнее, чем то, что со мной уже было.

— Но рана еще слишком свежа, – возразил д'Арбалестье.

— Неважно. У меня очень мало времени, мэтр.

— Вы зря торопитесь, господин герцог, ибо спешка отнюдь не означает, что вы мгновенно обретете здоровую руку. Если я соглашусь и сделаю эту операцию, это вовсе не значит, что вы будете сразу исцелены. Вам еще дней десять придется походить с перевязкой.

Я решительно вмешалась:

— Но зачем это делать немедленно, Александр? Почему бы не подождать? Как сказал доктор, за один миг ничего не получится, и я полагаю...

Александр мягко остановил меня:

— Боюсь, моя дорогая, что потом наступят слишком горячие времена, чтоб я мог думать о лекарях и операциях. Рука тем временем и усохнуть может. Нет, я настаиваю, чтобы все было сделано в ближайшее время, пока англичане не привезли в Бретань пушки и оружие.

Д'Арбалестье развел руками:

— Что ж, если вы упорствуете...

Александр резко произнес:

— Я желал бы, чтоб вы взялись за дело уже на следующей неделе.

Было понятно, что от своего он не отступится. Я вздохнула, сознавая, что никакая сила не сможет удержать его дома. Его звали бои, походы, отстаивание попранных прав короля – словом, то, что называется долгом чести. Я к этому привыкла и больше не протестовала.

— У вас упрямый супруг, мадам, – сказал доктор мне напоследок. – И все же попробуйте еще раз поговорить с ним. Операция, когда рана слишком свежа... Убедите его, что следует быть благоразумным.

Я покачала головой, печально улыбаясь.

— Что вы, господин доктор. Благоразумие? Такого слова ни один дю Шатлэ не знает.

Когда д'Арбалестье ушел, Александр, прежде чем я успела раскрыть рот, притянул меня здоровой рукой к себе и сказал – без видимой связи с предыдущим:

— Жаль, что мы как-то мало общались с детьми. Но, может быть, еще не поздно?

— В каком смысле? – спросила я озадаченно.

— Давайте-ка проведем время вместе, до того, как мятеж вспыхнет вовсю. Осень в этом году так хороша. Побродим по лесу, устроим пикник на побережье, у какого-нибудь живописного мыса...

Я была рада этому предложению:

— Вы плюс я, Филипп плюс девочки? Никогда вы не придумывали ничего более замечательного!

— Рад, что вам понравилось. Да и дети... пусть они запомнят, до чего здорово жить в дружной, счастливой семье. Они видели меня раненым, это тягостное зрелище, теперь надо развеселить их немного.

— Вос-хи-ти-тель-но, – шепнула я, потершись носом об его щеку.

Он прижал мою голову к груди.

— Вам хочется остаться? Скажите правду, Сюзанна, не лукавьте.

Я видела, что он штурмует меня самыми разными способами. Может быть, мне следовало продемонстрировать твердость и независимость. Я бы больше уважала себя.

Но я не могла. Не находила сил для твердости. Я уже трусила перед одиночеством. Я поддавалась на уговоры... Пожалуй, сильное чувство к Александру было тому причиной. И мне так хотелось быть счастливой. Где же, если по правде, может быть счастье, как не рядом с ним? Черт возьми, я просто не имею мужества быть одинокой!

— Ответьте же, – настаивал он. – Вы хотите остаться?

Я пробормотала:

— Вы, конечно, возгордитесь... но, если честно, скорее да, чем нет.

Глава вторая

Английский мираж

1

В середине октября Директория уведомила – «с удовольствием», как говорилось в документе, – что генерал Бонапарт возвратился во Францию. Почти полтора года о нем мало что было слышно. Газеты умалчивали о разгроме, который постиг французский флот в Абукире, и почти ничего не писали о многочисленных бедствиях и болезнях, поразивших французскую армию среди песков Востока. Из английских источников и рассказов Жана мне давно было ясно, что Бонапарт в Египте попал в капкан собственного честолюбия. Предприятие, сулившее вначале генералу лавры Александра Макендонского (поговаривали, он, подобно герою древности, хотел пробиться с боями в Индию), превратилось в итоге в бесславную авантюру. Французы, потеряв флот, были заперты в Египте без всякой возможности получить поддержку извне, и никакие победы под пирамидами не могли перечеркнуть безнадежности их положения. Крепость Сен-Жан-д'Акр, обороной которой руководили англичане и многие французские эмигранты, оказалась крепким орешком: так и не овладев ею, Бонапарт не мог двигаться дальше на восток.

Особых богатств в Египте не было найдено. Ограбив местное население, казнив десятки тысяч пленных турок, мамелюков да и просто ни к чему не причастных мирных египтян, имуществом которых хотелось завладеть, Бонапарт, по сути, не знал, что ему делать дальше. Можно было предполагать, что он так и сгинет в Египте вместе со своими генералами, а его армия, разложившаяся и деморализованная чумой, свирепствовавшей среди французов со времен взятия Яффы, примет ислам и смешается с египтянами. Однако Наполеон Бонапарт, по видимому, решил отделить свою судьбу от злосчастной доли своих солдат.

Бросив соотечественников, которых сам же и вовлек в авантюру, оставив задним числом командование Клеберу, Бонапарт совершил довольно низкий поступок: на одном из немногих уцелевших кораблей он под покровом ночи сбежал из Египта. Храбрец Клебер, обнаружив, что главнокомандующий исчез, оставив его расхлебывать все ужасающие последствия этого военного похода, был в ярости... Но его ярость уже не могла задержать Бонапарта, который скользил по волнам Средиземноморья по направлению к Франции. Путешествие заняло полтора месяца, потому что генерал, опасаясь англичан, разрешал двигаться только ночью. Днем судно стояло, опустив паруса и прикидываясь рыболовецким. Генерал в кают-компании без конца играл в вист со своими офицерами, и только испарина, выступавшая время от времени на его лбу, выдавала его волнение.

Бонапарту повезло. Англичане его не заметили. Он беспрепятственно высадился 9 октября 1799 года в Сен-Рафаэле близ Фрежюса. В официальных сообщениях говорилось, что генерал и его спутники находят состояние брошенной ими в Египте армии «вполне удовлетворительным».

Будь во Франции приличная власть, поступок Бонапарта был бы справедливо расценен как дезертирство, а сам генерал отдан под суд за то, что оставил армию без разрешения правительства. Возможно, вначале он и сам опасался такого поворота дела. Однако Франции было не до этого. Очень скоро генерал убедился, что моральные тонкости его возвращения абсолютно никого не занимают – Директория так всем надоела, что все только и судачат о том, кто же

даст ей пинка под зад. Эта правящая клика довела страну до такого позорного положения, что французы готовы были закрыть глаза на что угодно, лишь бы воцарился порядок.

Солдатам не платили жалованья и они разбегались из армии. Казна была пуста. Воры и казнокрады всех мастей закатывали балы в Париже, выставя напоказ свое богатство и дразня тем самым благонамеренных обывателей. Никто не гнушался запускать руку в государственные финансы, а среди офицеров господствовало мнение: дескать, мы храбрецы, набьем же карманы во время завоевательных войн, а с кредиторами пусть рассчитываются жерла наших пушек.

Торговля умирала, потому что две трети дорог находились в чудовищном, если не непроходимом состоянии. Бандитов на этих скверных дорогах развелось столько, что путешествие было сопряжено с риском для жизни. В Провансе пассажирам дилижанса необходимо было заручаться пропусками, выдаваемыми главарями банд, а расставленные вдоль горных дорог Ванту щиты предупреждали, что если у путешественников нет при себе хотя бы четырех луидоров, их ожидает расстрел, и эта угроза нередко приводилась в исполнение. В Париже на заставах караулили преступники, самовольно взимающие введенную Директорией взвонную пошлину. Убийства, грабежи и пожары превращали целые провинции в пустыню.

Рабочим в городах работы по-прежнему не хватало: ни лионские, ни парижские шелкоткацкие мануфактуры так и не смогли развернуть производство с той же бойкостью, как при Старом порядке. Урожай был неплох, но собранным невозможно было должным образом торговать: ассигнаты катастрофически обесценивались, а звонкой полновесной монеты не хватало. Англия терроризировала французские торговые корабли, вследствие этого втрое и даже вчетверо подсакивали цены на кофе, сахар, ваниль, индиго. За лето и осень 1799 года через порты Марселя, Нанта и Рошфора ввезли и вывезли товаров меньше, чем в старое мирное время за две недели.

Между тем во Франции было очень много буржуа, обогатившихся на революции, завладевших национальными имуществами и желавших поэтому все захваченное сохранить. Их особенно тревожил беспорядок в государственном управлении и финансах. Им как никому было ясно, что Директория, авантюрная и алчная, способна предложить французам только бесконечную свистопляску государственных переворотов, что от нее не дождешься твердых законов и строгих правил, которые на долгие десятилетия закрепили бы за ними приобретенное. Раньше, при Старом порядке, буржуа жаждали прав и свобод. Теперь, насладившись правами и разочаровавшись в свободах, они готовы были приветствовать появление нового монарха... ну, или по крайней мере человека, который прекратил бы весь этот десятилетний хаос.

Ясно, что среди таких настроений Директории было не до принципиальности. Поэтому выяснять мотивы возвращения Бонапарта никто не стал. Забыв об египетской армии, все ему обрадовались – он и его ореол победителя Италии воскрешали столько надежд! Газеты описывали поистине триумфальные встречи, ожидавшие генерала во многих городах: «Все были как во хмелю. Победа, всегда сопутствующая Бонапарту, на этот раз его опередила, и он прибыл, чтобы нанести последний удар гибнущей коалиции». Директоры, поколебавшись, решили прислушаться к этим восторгам и заменили генералу путь на эшафот церемонией торжественного приема.

Республика, конечно, была спасена задолго до приезда Бонапарта – благодаря победам Массена и Брюна целостности Франции уже ничто не угрожало. Но прием, оказанный генералу, был настолько горячий... и настолько для него самого неожиданный, что Бонапарт быстро приободрился, отбросил опасения, обуревавшие его в первые дни после высадки, и с головой окунулся в парижские интриги, которые вел в то время директор Сиейес, не скрывавший своего желания опрокинуть прогнившее правительство.

В целом, как и шесть лет назад после воцарения Робеспьера, дальнейшее развитие событий казалось непредсказуемым. Жить было страшно. Никто не чувствовал уверенности ни в чем. Даже для тех людей, которых ранее вдохновляли слова «свобода», «равенство», «респуб-

лика», эти понятия стерлись, поблекли. Никто больше не желал разглагольствовать о патриотизме. Все хотели одного – «режима, при котором едят».

Год шел к концу. Да и век тоже. Заканчивалось восемнадцатое столетие. «Конец века» – вот что было у всех на устах. Будущее представлялось весьма туманным.

2

— Гляди внимательно, Филипп: я чуть потянул этот повод – и конь поворачивает влево. Потянул другой – Дьявол идет уже в другую сторону... Запомнил? Лошадь всегда направляется туда, куда смотрит ее голова.

— А быстло? А стобы ехать быстло, пап? – лепетал малыш.

— А чтобы ехать быстро, тебе, пожалуй, нужно причмокнуть. Лошадь услышит тебя и поторопится.

Филипп, сидя в седле впереди отца, был в восторге: ему впервые открылась прелесть верховой езды. Александр, одной рукой придерживая сына, другой управлял лошадью, попутно объясняя мальчику азы верхового искусства. В какой-то момент, спешившись, доверил поводья сыну:

— Ну-ка, попробуй сам. Держи поводья крепко, а я буду рядом, чтоб придерживать коня.

Филипп, сосредоточенно сдвинув крохотные светлые брови, пытался оправдать доверие отца. Однако вид малыша, которому не исполнилось и трех лет, восседающего верхом на громадном и, как я знала, своенравном жеребце, обеспокоил меня, и я, высунувшись из коляски, запротестовала:

— Мне кажется, это уже чересчур, господин герцог. Я чувствовала себя лучше, когда вы сидели на коне вместе с сыном!

Смеясь, Александр снова вскочил в седло:

— Не будем волновать маму. Но кое-что у нас уже получается, не правда ли, Филипп?

— Я буду кавалелистом, лыщале! – восклицал раскрасневшийся, гордый мальчик, не выговаривая половину букв.

— Никаких сомнений. Ты будешь отличным всадником, как все мужчины из рода дю Шатлэ.

Оглянувшись на меня, герцог добавил:

— И, конечно, как мужчины из рода де Тальмонов... как отец нашей мамы, знаменитый роялист.

Для маленького Филиппа нынешний день стал непрекращающимся праздником – никогда отец не играл с ним так много и увлеченно! Неделю назад Александру надрезали сухожилие, рука у него еще побаливала, но уже двигалась и не ограничивала игр с малышом. Пока мы ехали по лесу, мальчик вдоволь напрыгался с пеньков, и ему особенно нравилось, когда его ловил папа. Герцог поощрял эту забаву. Сам ставил сына на пенек повыше, говорил ему:

— Прыгай, малыш. Раз, два, три! – и ловил смеющегося озорника.

Филипп пытался взобраться на дерево. Александр подсаживал его вверх и давал возможность повисеть, держась руками за ветку, а сам стоял наготове внизу и подавал команду:

— Отпускай руки!

Мальчуган отпускал руки и летел в объятия отца, счастливый и довольный. Пару раз Александр помог ему взобраться на ветку ногами и постоять на суку, крепко обхватив ствол. Мы с мужем стояли внизу и удивлялись: надо же, как высоко забрался наш сынишка! Гордости Филиппа не было предела. Но мы прерывали упоение высотой и звали слезать.

— Расти, мой сын! Мужчина должен быть бесстрашным!

У Филиппа порозовели щеки, светлые кудри выбились из-под круглой бархатной шапочки, и я не могла налюбоваться им: так он походил на херувимчика! Подумать только, еще полгода-год, и навсегда исчезнет из его облика эта младенческая припухлость, эти перевязочки на белых ручках и тогда... будет у нас еще один сорванец, точь в точь как Жан, весь в ссадинах и царапинах!

Близняшки, в одинаковых амазонках из серой тафты и черных спенсерах, в жемчужно-серых шляпках с высокими тульями, украшенными перьями белой цапли, нетерпеливо ерзали на сиденье в коляске: позади нашей повозки были привязаны два шетлендских пони, езде на которых их этой осенью начал учить конюх Люк.

— Когда уже нам можно будеть на них сесть? – ныла Изабелла, изображая истинное страдание.

— Не только же Филиппу развлекаться, – обижалась вслед за ней Вероника.

— Девочки, еще немного терпения. Не пройдет и получаса, и мы выедем из леса.

— Ну а почему нам нельзя ездить верхом в лесу?

— В долине дорога будет ровнее и чище. Не так уж искусно вы держитесь в седле, барышни!

Александр повернул голову:

— Люк может повести пони под уздцы. Согласны, юные дамы?

Близняшек не пришлось просить дважды – после его слов их словно ветром сдуло с сиденья. На прогулке нас сопровождали шуаны из герцогского отряда, так как выезжать без конвоя в нынешние времена было слишком легкомысленно. Люк, спешившись и отделившись от них, помог Веронике взобраться на симпатичную низенькую лошадку шоколадной с пежинами масти. Изабелла, как более проворная, обошлась без посторонней помощи, оседлав своего вороного лохматого пони самостоятельно. Взяв животных под уздцы, Люк повел их вперед.

— Ну и, разумеется, я не позволяю пускать пони вскачь и перепрыгивать через бревна! – крикнула я напоследок, на миг залюбовавшись дочерьми. Большеглазые девочки, стройные и хрупкие, как оленята, столь грациозно покачивались в седлах, что не задержать на них взор трудно было бы и постороннему.

— Наконец-то! Конеч скуке! – донесся до меня голос Изабеллы.

Я откинулась на подушки со вздохом облегчения: да, наконец-то! Наконец-то можно отдохнуть от нескончаемых детских разговоров и насладиться тишиной. Из-за беременности я быстро уставала. Кроме того, осенний день сам по себе был так хорош, что хотелось помолчать, полюбоваться, помечтать.

Все две первые декады октябрь почти ежедневно буйствовал дождями, холодным порывистым ветром, иногда даже легкими заморозками. Казалось, это ненастье не утихомирится до будущей весны. И вдруг пару дней назад в погоде наступил резкий перелом. К вечеру ветер оборвался и окрестные холмы окутал туман. На следующее утро он сгустился до непроглядной мглы, а к полудню, когда солнце с трудом пробилось сквозь его завесу, было уже очень тепло – хоть сбрасывай плащи и каррики. Вчера и сегодня наблюдалась та же картина, будто возвратилось в багрец и золото одетое лето.

Пожалуй, только эти осенние краски, да еще мечущиеся по лесным опушкам запоздалые стаи скворцов напоминали сейчас, что холода не за горами. Лес стоял раскаленный солнцем, наполненный теплым воздухом; было очень светло, уютно и просторно, будто в яблоневом саду. Однако уже полыхали золотом березы, в пышных кронах дубов трепетали яркие листья, как разноцветные огоньки: оранжевые, пунцовые, рубиновые, фиолетовые. Клены просто светились, как факелы, будто вобрали в себя все солнечное свечение, – светло-лимонные, кораллово-розовые, охристые. Время от времени из чащи долетали фырканы, а потом топот и треск веток – это мчались олени сквозь огненную метель листопада.

Потом лес закончился, и по пологому склону мы спустились на вересковое плато. Вереск отцвел, но сиреневое море его сухих цветов стойко противостояло налетавшему с побережья ветру и сохраняло августовские, может, лишь чуть поблекшие краски. От бесконечных лилово-розовых полей захватывало дух. Океан был уже близко, там, где линия горизонта смыкалась с плывущими по небу прозрачными облаками, а эти вересковые пустоши, ведущие к мысу Фреэль и бывшему королевскому форту Ла Латт, издавна назывались Долиной камней из-за множества менгиров и дольменов, воздвигнутых в незапамятные времена древними обитателями Бретани.

Эти громадные темные глыбы, поросшие мхом, установленные то вертикально, то горизонтально, то соединенные вместе и образующие грубые каменные своды, наводили на мысль о языческом святилище и производили впечатление одновременно и зловещее, и романтическое. Мне приходилось здесь бывать – однажды мы с Александром проезжали мимо этой аллеи камней, когда в первый раз провожали Жана и принца де Ла Трёмуйля в Англию. Однако мои дочери видели это загадочное место впервые и, конечно, забыв мои наставления, погнали пони вскачь.

— Вот это да! – кричала Изабелла. – Настоящий каменный город!

— Это тот, который построили феи! – долетел до меня голосок Вероники. – Элизабет рассказывала мне, что это они носили сюда такие камни – по одной в каждой руке...

Когда мы подъехали к первому менгиру – огромному, вкопанному в землю серому валуну высотой футов в пятнадцать, близняшки уже всю исследовали тайны каменной аллеи. Скинув туфли, они в чулках ползали по глыбам, карабкались на валуны, изучали углубления, кольца, заполненные дождевой водой и таинственные знаки, начертанные на каменных поверхностях, наперебой делясь между собой догадками:

— Это волшебные камни.

— Элизабет говорит, что под одним из них можно найти огромный клад.

Вероника вообще оказалась докой по части бретонских легенд, я даже не предполагала, сколько сказок она наслушалась от прислуги в Белых Липах.

— Да-да, сюда на Рождество прилетает дрозд, приподнимает один из камней и тогда можно видеть кучу золотых луидоров, – негромко рассказывала она сестре.

— И можно их забрать? – заинтересовалась Изабелла.

— Нет. Если кто-то захочет выхватить хоть одну монету, менгир рухнет и раздавит несчастного!

Изабелла, сделав круглые глаза, посмотрела на темную каменную громаду, нависавшую над ее хрупкой фигуркой. Потом махнула рукой:

— Я не боюсь!

В один миг она, подхватив юбки, с ловкостью котенка вскочила на гигантский дольмен, поверхность которого напоминала обеденный стол великанов. Сорвав с головы шляпку, тряхнула рассыпавшимися волосами:

— Смотри, Вероника! Я даже сплясать здесь могу!

Подбоченившись, она и вправду затанцевала на камне, напевая бретонскую рыбацкую мелодию. Морской ветер играл ее золотистыми кудрями, мелькали из-под юбок маленькие изящные ножки в голубых шелковых чулках. Увлеченная, розовая от переполнявшей ее энергии, она не обращала ни на кого внимания, но я, выйдя из коляски, невольно залюбовалась ею.

Александр, подойдя ко мне, обнял меня за плечи, сказал задумчиво:

— Просто маленькая колдунья, эта девочка... Пройдет время, и в ее золотистых силках запутается много сердец.

В Изабелле и вправду было что-то языческое: окутанная волосами до пояса, со сверкающими серыми глазами, она как никто вписывалась в легендарную атмосферу этого места. Я

была и горда ее красотой, и чуть испугана – не может ли приключиться что-либо дурное от таких танцев? Будто угадав мои мысли, Александр позвал ее:

— Иди-ка сюда, Бель. Я расскажу тебе о деве-корригане, у которой волосы такие же, как у тебя.

— Вот как? А где она живет?

Изабелла спрыгнула с камня, обулась и готова была слушать очередную легенду о волшебных красавицах бретонских лесов. Я была рада, что ее энергия переключена в более тихое русло. Чуть позже мой муж и для Вероники, моей вдумчивой, трепетной девочки, замороженно бродившей меж камней, нашел интересный рассказ. Отыскав среди зарослей засохшую неприметную травинку, протянул ей:

— Погляди, Вероника, это – растение твоего имени.

— Моего имени?

— Ну да. Оно тоже называется вероника. От греческого слова «вера», то есть правдивая, и «ника» – победа. Оно растет по всему миру. По крайней мере, я встречал его даже в Индии, где меня учили разбираться в травах.

— Как приятно пахнет, – зачарованно сказала Вероника, разглядывая былинку с сухими бледно-сиреневыми, как у вереска, цветами.

— А как лечит! В старину полагали, что это растение исцеляет множество болезней, излечивает не только желудок и нервы, но даже сердце, раненное любовью.

— Может, у меня тоже будет способность лечить, папочка?

— Даже не сомневаюсь. Такая добрая девочка, как ты, сможет врачевать даже души.

Я прислушивалась к этому разговору, и меня переполняла благодарность. Пусть Александр не так часто мог уделять внимание близняшкам, но всякий раз, когда он делал это, он вкладывал в это все умение обращаться с детьми и всю свою душу, так, что Вероника и Изабелла чувствовали себя в его обществе истинными королевами, которых любят, лелеют и высоко ценят. Как женщина, я понимала, сколь это важно для девочки – получить в детстве такой опыт, знать, что есть отец, который относится к тебе трепетно и по-рыцарски, который всегда защитит. Когда дети, включая Филиппа, перешли к более спокойным забавам и стали играть в прятки среди камней, я приблизилась к Александру и, ласково взяв его под руку, коснулась лбом его плеча:

— Спасибо. Спасибо вам за это.

Он сжал мою руку, лежавшую на его локте:

— Спасибо тебе.

— А мне за что? – Я подняла голову.

— За то, что поддалась. Поверила мне снова.

Я засмеялась:

— Ну, разве можно противостоять, когда вы ведете наступление сразу по всем фронтам? Вы завоевываете меня во второй раз, господин герцог.

Некоторое время мы стояли, обнявшись и глядя, как колыхнется среди каменных изваяний вересковое море. Слова были, казалось, не нужны, в близости Александра я черпала уверенность в себе и силу. Он вдруг встрепетнулся:

— Хотите забаву, которую знают все бретонцы?

— Какую?

— Ну-ка, сосчитайте, сколько здесь камней. Считайте внимательно! Как я помню с детства, бретонские женихи и невесты по сосчитанному определяют, какая жизнь им предстоит.

Не совсем представляя себе, каким образом что-либо могут предсказать камни, я принялась считать. Начинала дважды, и каждый раз у меня получались разные результаты.

— И каковы подсчеты, сага?

— Сорок четыре... или сорок пять. Право, как-то сложно подсчитать!

— Все так говорят. У меня получилось сорок три.

— И что это значит? Надеюсь, предсказание не самое мрачное?

— Напротив. Очень даже оптимистичное. Полное единство цифр встречается редко. А когда новобрачные расходятся в подсчетах на один-два камня, это означает, что жизнь им предстоит хоть и не безоблачная, но долгая и в целом счастливая.

— О, если бы! – вырвалось у меня искренне. – Я согласна на любые трудности, только... только не на войну. Ах, Александр, ведь именно эта предстоящая война перечеркивает все мои надежды.

Он внимательно посмотрел на меня, вглядываясь в мое лицо. Филипп подбежал к нему, протягивая руки. Герцог подхватил малыша, усадил на плечо, и сказал негромко:

— Я хочу поговорить с вами о будущем серьезно. Есть некоторые вещи, которые вы должны знать.

Филипп сообщил, что очень хочет есть. Честно говоря, я тоже была сильно голодна. Эта беременность отличалась от прежних тем, что я часто чувствовала просто-таки волчий голод, и сейчас это чувство даже не позволило разыгаться беспокойству, которое должно было бы возникнуть после слов герцога, – до того мне хотелось добраться, наконец, до морского берега, где мы собирались устроить пикник, и до наших многочисленных припасов.

— Пойдем, малыш, – сказала я. – У мамы есть для тебя блинчики и сочная куриная ножка, ты не будешь голоден, мой милый будущий кавалерист.

— А пилог? Пилог квин-аманн?

Я засмеялась – это было любимое лакомство Филиппа, приготовлением которого всегда лично руководила Элизабет, обожавшая мальчика.

— Ну, как же без него! Он выглядывает из корзинки, ожидая тебя. Но выйти ему будет позволено только после того, как ты пообедаешь.

— А сейчас?

— Нет, мой любимый, это не обсуждается.

...Океан кипел вокруг многочисленных островков, шумел, белым кружевом разбиваясь о берег. Бухту со всех сторон окружали утесы, по скалистым склонам которых карабкались бретонский дрок, серебристый мох и камнеломки. На самых вершинах ветер играл в зарослях гренландских маков. Далеко на западе цепь скал замыкали очертания полуразрушенного маяка, ранее служившего интересам королевской таможни. Над красотой угасающего осеннего дня пронзительно голубело небо, край которого уже начинал розоветь, – приближалось время заката и, стало быть, время ужина.

Кухарки Белых Лип, собиравшие нас в дорогу, превзошли сами себя, поскольку из корзины, привезенных в нашем обозе, шуаны извлекли и разложили на холстинах снедь на любой вкус. Накрытый на земле походный стол можно было бы сравнить с живописным полотном: начиненное чесноком жиго из ягненка, острые сыры, гречневые лепешки, пухлые пряные нантские сосисоны – андуйетты, зеленые и зрелые черные маслины, тушеные морские гребешки, сваренные с водорослями крабы. И, разумеется, изумительные бретонские сладости... Чуть поодаль Люк развел костер, подвесил котелок на огонь и принялся крупными кусками нарезать рыбу – было ясно, что ближе к ночи нас ждет сытный местный кортиад.

Девочки отнеслись к еде, как всегда, без интереса. Ели они плохо, не больше, чем котят, и даже атмосфера пикника не расположила их к трапезе: наскоро перекусив хлебом и сыром, они помчались строить из морской гальки подобия фреэльского маяка. Вскоре весь берег украсился каменными пирамидками в их исполнении... Что ж до Филиппа, то он сильно проголодался и ел с огромным аппетитом, правда, измазался при этом по самые уши. Забавно было смотреть, как он тянется замасленными ручками за все новыми и новыми ломтиками жареной курицы. Как хорошо, что он так ест, что он здоровенький и сильный для своего возраста!

Позволив ему вдоволь насладиться самостоятельностью за ужином, я наконец усадила его к себе на колени и стала кормить сама, с нескрываемым наслаждением вдыхая очаровательный молочный запах кожи своего сынишки:

— Ну, вот, будем кушать вместе. Кусочек Филиппу – кусочек маме. Это – детке, а это – мне... Тебе вкусно, малыш?

Филипп кивал, но не давал сбить себя со следа и часто интересовался, как поживает его любимый пирог. Когда с курицей было покончено, я согласилась распаковать корзинку:

— А вот мы и до пирога доберемся. М-м, как же прекрасно пахнет эта сдоба!

Давно со мной не случалось такого приступа прозорливости: в любое другое время слоеный пирог «квин-аман», невероятно сладкий, буквально залитый сахаром, истекающий маслом, не вызвал бы у меня ничего, кроме содрогания. Однако сейчас я находила сытную и тяжелую бретонскую кухню просто превосходной, и подала пирог наравне с Филиппом, получая истинное удовольствие от каждого кусочка. Ребенок ел, блаженно жмуря глазки; я вытерла ему салфеткой личико и, не выдержав, чмокнула по очереди в каждую щечку:

— Мое ты сокровище!

Александр, в полурасстегнутом камзоле, полулежа, наблюдал за этим апофеозом материнства и чревоугодия. Улыбка была у него на губах, но взгляд был внимательный, пристальный.

— Давно я не замечал, чтоб вы так ели, любимая, – наконец проронил он.

Я метнула на него быстрый взгляд поверх белокурой головки Филиппа.

— Вот как, боитесь, что я стану толстой, как торговка рыбой, и перестану вам нравиться?

— Нет. Я бы сказал, что я думаю, но...

Я отерла пальцы и, спустив мальчика с колен, посмотрела на мужа так же внимательно, как он глядел на меня. В его глазах читалась догадка, которую он, казалось, не решался высказать. Мною овладело озорство. Весь этот день, такой счастливый, очень расслабил меня, наполнил радостью до такого степени, что я, в конце концов, махнула рукой на свою конспирацию: пусть он догадается, пусть! Даже интересно, сможет ли муж догадаться сам, без всяких намеков со стороны жены? Если да, он просто потрясающий мужчина, без преувеличения!

— Что же вы думаете, господин герцог? – проговорила я смеясь. – Надеюсь, наши убытки не достигли того уровня, когда вы должны следить за каждым съеденным мною куском?

— Нет, госпожа герцогиня. – Он притворно вздохнул. – Хотя в наше время, как говорят буржуа, всему нужен счет.

Посерьезнев и подавшись ко мне, Александр взял меня за руку. Поднес ее к губам и после паузы произнес:

— Я не знаток и не вполне доктор, но мне кажется, что вы беременны, Сюзанна. Я прав?

Между нами повисла пауза. Слышно было, как бьются волны о берег, как ворчит Люк, подкидывая хворост в костер. Александр придвинулся еще ближе, встал передо мной на колени – я, сидевшая на складном стульчике, оказалась вровень с его лицом, и мы глянули друг другу глаза в глаза.

— Я прав? – переспросил он, отыскав и легко стиснув обе мои руки.

— Да, – шепнула я. – Вы правы.

Он сдавленно, едва слышно охнул, чуть отведя взгляд, будто эта догадка, хоть и была высказана им самим, все же оказалась для него большим потрясением. Некоторое время длилось молчание.

— Похоже, я узнал об этом последним, – наконец вымолвил он.

— Нет. Вовсе нет. Я еще и Маргарите не говорила об этом.

— И что же... пока длился весь этот ужас с моей немощью, вы вынесли столько хлопот, не сказав никому ни слова?

— Уверяю вас, доктор д'Арбалестье знал с самого начала. Без его советов и успокоительных порошков было бы трудно. Кроме того, Александр, разве у меня был выбор? – Я пожалала плечами. – В то время приходилось бороться за вас, некогда было забивать голову малышом.

— Ах, Сюзанна...

Не договорив, он прижал мою голову к груди, порывисто вдохнул запах моих волос. Притихнув, я не шевелилась, наслаждаясь этим покровительственным жестом защитника, чувствуя в настроении Александра те самые глубокие нежность и желание поддержать, какие только может испытывать мужчина к женщине. Потом прошептала, погладив его щеку:

— Все в порядке. К чему сокрушаться о прошлом? Ребенок все выдержал, и я считаю благословением Божиим то, что он нам послан. Он, как и ваша рана... свел нас вместе вновь.

— Да, конечно, но... честно говоря, любовь моя, его здоровье – это, увы, не единственное, что меня тревожит.

Его взгляд оставался озабоченным. Он снова поцеловал мои руки, прижал их к лицу, словно пытался собраться с мыслями, но беспокойство не отпускало его. Казалось, само представление будущего, которое он себе создал, было нарушено открывшимся обстоятельством, и он не знал, какое принять решение. Я молчала, полагая, что со временем он сам мне все объяснит. Александр, наконец, поднялся, протянул мне руку:

— Пойдемте прогуляемся, дорогая. Как давно мы с вами не бродили вдоль кромки моря!

— С охотой, – откликнулась я. Некоторая бодрость снова вернулась ко мне после отдыха за ужином, и я вправду хотела движения. – Надеюсь, на порцию кортиада я еще могу рассчитывать, мой бережливый и рачительный супруг?

— Вам бы только смеяться, *carissima*. Дай Бог, ваш оптимизм поможет и мне понять, как поступить!

Я и мысли не допускала, что озабоченность Александра вызвана тем, что он в принципе огорчен известием о ребенке. Отношения между нами в последнее время были такие искренние и теплые, что ни о каких подводных камнях думать не приходилось. Подсознательно я понимала: если что и может серьезно беспокоить моего мужа, так это грядущая война. Мы находились в провинции, раздираемой междоусобицами: я, пятилетние девочки, кроха Филипп и этот нерожденный, самый беззащитный ребенок у меня под сердцем... Уже очень давно я думала о том, что Александр, если уж он сам выбрал для себя стезю мятежника, должен всерьез позаботиться о нашем переезде в Англию. Прежде такие мысли, если я их высказывала вслух, вызывали неодобрение. Теперь же ситуация так заострилась, что я сама ожидала от мужа подобного предложения. Если, конечно, его слова о желании начать все сызнова имели под собой какие-либо основания!

Однако я не хотела торопить события и, прогуливаясь с ним по песку вдоль морского берега, изображала полнейшие беспечность и легкомыслие. Никаких намеков или предложений с моей стороны – мне хотелось, чтобы он сам все предложил. Сжимая его руку, я смеялась, рассказывая о том, что беременна с начала июля, что, испугавшись поначалу, теперь очень хочу этого ребенка, что чувствую себя прекрасно и обещаю не доставлять хозяйству особых убытков своим аппетитом... Ветер играл лентами моей шляпы и светлыми локонами, я разрумянилась, глаза у меня сверкали счастьем, и поскольку Александр не сводил с меня зачарованного взгляда, убеждалась в который раз, что он влюблен, что его влечет ко мне, что он находит меня красивой и возбуждающей.

— Ах, госпожа герцогиня! – сказал он наконец. – Ваши дары так щедры – вы дарите мне не только себя, но и второго наследника!

— Может, и наследницу, Александр! Помните, мы мечтали об этом?

— Нет, на этот раз желателен наследник. Назовем его Реми Кристоф, как звали моего отца... А уж потом будет девочка, черноглазое чудо, такое, как вы!

Мы стояли обнявшись, глядя, как красное солнце тонет в океане. Издалека доносились звонкие голоса близняшек, но, честно говоря, нам обоим не хотелось, чтобы кто-либо, даже дети, нарушал наше уединение. Бесконечная голубая гладь простиралась перед нами. Где-то там, в полутора сотнях миль отсюда, должно быть, белели дуврские скалы Туманного Альбиона, а еще дальше, как я знала, в полутора месяцах плавания от Бретани простирались бесконечные земли новых континентов и островов, луга, пустыни, прерии, незнакомые города... Мне казалось в этот миг, что перед нами вся земля, вся жизнь, полноценная и прекрасная, в которой нет ничего невозможного и недостижимого – столько сил давала нам любовь, которую мы испытывали сейчас друг к другу. От одного присутствия Александра, его объятий спокойствие поселялось у меня в душе. Даже гражданская война не казалась такой страшной, а будущее – неуправляемым, когда я ощущала его рядом.

— Удастся ли нам, – шепнула я, – поплыть куда-нибудь так же беззаботно и свободно, как мы плавали на Корфу?

Он не ответил, только крепче прижал меня к себе.

— Хотите сказать, что мы теперь слишком устали для таких приключений? – не без лукавства спросила я.

— Нет. Скорее, слишком связаны обязательствами перед другими... Хотя, черт возьми, почему бы и не развязаться со всем этим на время?..

Он не договорил, но даже эти краткие слова в устах Александра дорогого стоили. На миг я ощутила себя победительницей в долгой борьбе за него, которую вела с роялизмом и долгом. Но поблаженствовать, сознавая это, мне не довелось, потому что муж обрушил на меня такой поток известий, что мне не осталось ничего другого, кроме как их энергично осмысливать.

— Сюзанна, – начал он решительно, – вам многое нужно узнать. Поль Алэн ездил в начале сентября в Англию, вы были свидетельницей его возвращения. Но я еще не говорил вам, что в течение этого лета он вывез в поместье под Лондоном все наши картины, фамильные драгоценности и коллекцию камней Голконды... да и вообще все более-менее ценное, что было в Белых Липах и что мы хотели бы сохранить от разорения.

— От разорения? Вывез в поместье? Какое поместье, Александр?

Я впервые слышала о каких-либо имениях дю Шатлэ за границей.

— Небольшая усадьба в двух часах езды от Лондона, – терпеливо, хотя, как мне показалось, несколько смущенно пояснил Александр. – Блюберри-Хаус, очаровательный дом на берегу озера, усыпанном песчаными лилиями.

— Вы арендуете его?

— Да, король Георг несколько лет подряд позволял мне его арендовать, пока я пребывал в Англии. А прошлым летом дал разрешение на выкуп, коль скоро... словом, коль скоро мне и Жоржу Кадудалю, по всей видимости, суждено часто пользоваться гостеприимством английской столицы.

— Вам и Жоржу Кадудалю? То есть вы купили его вскладчину, что ли?

— Нет. Но, поскольку поместье куплено из необходимости принести пользу роялистскому делу, для господина Кадудалю там всегда будут открыты двери. Кроме того, он почти наш родственник – крестный отец Филиппа.

Блюберри-Хаус, дом среди лилий... Я пыталась обдумать то, что услышала. Для меня было полнейшим сюрпризом узнать, что Александр, оказывается, не только думал о нашем отъезде, но даже позаботился о достойном жилище в Англии. Понятно, что в этой покупке были использованы деньги английского правительства, иным способом делать такие приобретения Александр вряд ли мог.

Однако, если оставить вопрос финансов, что-то во всем этом было не до конца понятно. Во-первых, я как-то совсем не предполагала в муже такую предусмотрительность: подобная забота превосходила все ожидаемое. Во-вторых, усилия герцога, направленные на оседлый

образ жизни в Англии, указывали на то, что Белым Липам, очевидно, грозит крах, и это казалось ужасным!

— Вот как, значит, вы уверены, что Белые Липы обречены?! – вскричала я в испуге.

— Ну, что еще за выдумки! Меньше всего на свете я хотел вас испугать.

Сжимая меня в объятиях, закрывая от сильного океанского ветра, он принялся меня успокаивать:

— Ничего подобного у меня и в мыслях не было. Да я и не пророк, чтобы предвидеть заранее исход войны и судьбу нашего замка... Но я знал, как вы боитесь за себя и детей, пока я воюю против Республики. Да и что говорить, у меня самого за вас сердце всегда было неспокойно. Сейчас затевается новое противостояние. Я был бы глуп, если б надеялся, что шуаны смогут в одиночку сокрушить синих. Самое большее, чего мы можем достичь, – это мира и нашего собственного порядка для Бретани, да еще прекращения притеснений священников. Но и за эти победы придется пролить реки крови. Поэтому...

Он помолчал, будто подбирал слова, чтобы выразиться мягче.

– Поэтому я позаботился о своей семье, и предложение короля Георга оказалось как раз кстати.

— Вы занимались этим делом летом, когда я была в Сент-Элуа?

— Да. Я передам вам документы, прежде чем уеду.

— Так что же, получается... вы даете мне добро за отъезд с детьми в Англию? Сейчас, уже в начале войны?

Воцарилась пауза. Повернув голову, я пытливо глядялась к лицу Александра, сама не зная, поддержу или нет эту идею немедленного отъезда. Разумеется, в доме под Лондоном я обрела бы спокойствие. По крайней мере, хотя бы физически для меня и детей не было бы никакой угрозы. С другой стороны – как же быть с мыслями о судьбе Александра? Мы будем разлучены не только войной, но и милями морской глади!

— Острой необходимости ехать пока нет. Но в Блюберри-Хаус вы сможете спокойно выносить ребенка, любовь моя, – весьма рассудительно сказал он, выразив то, о чем думала и я сама. – Мне кажется, это главное сейчас.

— Да, но мы будем разлучены, и я... Ах, Александр, мой дорогой, я изведусь от тревоги за вас!..

Мой возглас трагической ноткой повис в воздухе. Я прошептала:

— Письма будут приходить так редко... И вид каждого нового корабля в гавани будет повергать меня в ужас, так я буду бояться получить плохие вести!

Он не отвечал, хотя было видно, что мои слова тронули его. Похоже, это была именно та моя жалоба, на которую ему нечего было сказать. Да и потом (я и сама поняла всю свою непоследовательность), разве здесь, в Бретани, вести будут поступать часто? Разве вид каждого нового всадника с письмом не будет вызывать у меня столь же сильный мороз по коже?

— Блюберри-Хаус, – повторила я растерянно. – Красивое название. Что это значит по-английски?

— Черничный дом. Он невелик, но местность весьма живописна. Рядом Эшдаунский лес... отсюда к усадьбе иногда подходят косули с детенышами.

— Я совсем не знаю английского.

— Это не беда. Вся английская знать говорит по-французски так, будто воспитывалась в Сен-Сире.

Я представила зеленые английские газоны, трепетных оленят на них, белые песчаные лилии – возможно, подобные тем, что благоухали на Корфу... подумала о том, что, будь я в Англии, у меня будет много возможностей видаться со старшим сыном, и это наполнило меня счастливыми надеждами. Но потом в памяти мелькнуло красивое породистое лицо графа д'Артуа, искаженное гневом, и я вздрогнула: все-таки расстались мы скверно, отношений не

выяснили, и он, живущий в Англии, наверняка считает меня мошенницей. Что хорошего ждет меня от встречи с ним?

Кроме того, когда я подумала о Сент-Элуа, бретонском изумрудном побережье, тумане, соленом ветре, солнце, воздухе, от сожаления и ностальгии у меня болью обожгло сердце. Я сжала руку Александра:

— Нет.

— Что «нет», дорогая?

— Отложим это на последний момент. На самый-самый что ни на есть последний. На тот миг, когда оставаться во Франции не будет уже ни малейшей возможности.

— Вы сейчас противоречите сами себе. Вам же всегда хотелось уехать, разве не так?

— Да. Хотелось. До тех пор, пока я не представляла себе это так реально.

Помолчав, я прошептала:

— Я никогда не была эмигранткой. Мне довелось пройти через все ужасы революции, однако эта чаша меня миновала. Думаю, это не так легко.

Он согласился, погладив мою щеку:

— Это правда. Если вам придется-таки попасть в Лондон, уверен, вы встретите множество версальских подруг, до сих пор тоскующих по Франции, хотя со времени отъезда прошло уже десять лет.

Я внимательно взглянула на него:

— Признайтесь, Александр: именно по этой причине вы готовы сражаться до последнего, только не уехать?

Он некоторое время молча глядел, как серебрится лунная дорожка на водной глади, потом приглушенно ответил:

— Отчасти – да. Я француз и не дам себя отсюда так легко изгнать.

Солнце давно уже село, на воде исчезали последние его отблески. Звезды зажигались на небе, темнели и тяжелели облака. Становилось прохладнее. Издалека доносились голоса Вероники и Изабеллы, играющих в волан. Филипп, наверно, уже давно спал под присмотром Марианны. Пора было возвращаться к детям.

Александр набросил мне на плечи свой камзол, осторожно взяв за руку, повел по берегу.

— Пойдемте, *carissima*. Пора. Согреемся кортиадам.

Я спросила мужа, пока мы приближались к нашей стоянке, когда ему предстоит уехать.

— Через неделю, – ответил он. – В День всех святых мы получим благословение священника и покинем Белые Липы.

— А нет ли возможности остаться до середины ноября? Все-таки вы совсем недавно оправились от ран.

Я имела в виду еще и то, что в середине ноября Александру исполняется сорок лет – мне очень хотелось быть в этот день с ним рядом. Но ответ был короток:

— Нет, Сюзанна, такой возможности нет.

Я подавила вздох. Герцог попытался меня приободрить:

— Не грустите, милая, я вам даю клятву, что мое пятидесятилетие мы уж точно встретим вместе. А сорок лет – это такая нелепая дата. Не молодость уже и еще не старость – ну ее, что тут праздновать?

К нам уже бежали девочки, наперебой крича о том, какие великолепные они собрали ракушки на морском берегу. Воспользовавшись моментом, Александр в последний раз крепко прижал меня к себе и, поцеловав в губы, чуть хрипло шепнул:

— Я был ранен, конечно... и еще не готов к очень уж громким подвигам. Но твое присутствие, дорогая, вливает в меня недюжинные силы.

— Что это значит?

— Это значит, что раненый воин за неделю до отъезда так окреп, что готов пылко овладеть собственной любимой супругой. Если супруга, конечно, тоже вполне здорова.

Меня потрясло это заявление: я совсем не ожидала, что Александр оправился до такой степени! Но, с другой стороны, в его хриплом шепоте было столько чувственности и нетерпения, что я сама ощутила внутри подзабытую уже за эти месяцы дрожь страсти. Я засмеялась, довольная тем, что желание не уходит из наших отношений:

— Супруга здорова. Ее спальня всегда открыта для вас, о доблестный воин.

Девочки настигли нас, оглушили разговорами, и наша интимная беседа была прервана. Мы зашагали быстрее, к Люку, который ждал нас с ароматным рыбным супом, но руки наши не разомкнулись, и в этом теплом сплетении пальцев я предвкушала все те радости, которые всегда дарил мне телесная близость с Александром – единственным мужчиной в мире, который делал меня счастливой одним своим прикосновением.

3

1 ноября я впервые сняла траур, который носила по старому герцогу дю Шатлэ.

Нет, конечно, я и раньше не ходила исключительно в черном, но все же в моем гардеробе преобладали темные цвета. За восемь с лишним месяцев они утомили меня морально, и сейчас, в день отъезда Александра, я почувствовала настоятельную потребность переодеться во что-то более приятное. Во-первых, беременным женщинам полезна радость, во-вторых, я не хотела, чтобы день проводов герцога был омрачен хоть какими-то признаками траура. Я гнала от себя любые мысли о том, что с войны, бывает, не возвращаются. Мы расставались ненадолго, я была уверена, и впереди нас ждала долгая-долгая и счастливая семейная жизнь – если не во Франции, так в Англии.

Последнее было, на мой взгляд, более вероятно. В то, что шуаны смогут победить Республику, я, конечно, очень мало верила. Хоть сколько вокруг велось разговоров о том, что им помогут англичане, что принцы крови высадутся в Бретани с многотысячным войском и сокрушат синих, все это не вызывало у меня особого доверия. За последние десять лет я слышала тысячи таких разговоров, и теперь предпочитала помалкивать, лишь пожимая плечами. Возможно, я гораздо лучше, чем бретонцы, знала, насколько глубоко революция пустила корни в умах французов. В годы террора я жила в Париже и видела, как он изменился: мне было ясно, что возврата к Старому порядку нет и не будет. О нем можно было сколько угодно сожалеть, но он исчез без шанса на возвращение, оставив своим приверженцам лишь вздохи и иллюзии.

Таким образом, огонек моей надежды на светлое будущее поддерживался только перспективой жизни в Англии. Образ Блюберри-Хауса, дома среди лилий, раздул из этой искорки целый костер. Я даже планировала взять несколько уроков английского, ведь нехорошо жить в стране без какого-либо умения изъясняться... Я молилась о том, чтобы Александр достойно исполнил свой долг чести перед Бурбонами (ну, раз уж от этого долга было не отвертеться), вернулся живым и нашел себя на какой-либо более безопасной военной или дипломатической службе. Через несколько лет, когда режим Директории совсем себя исчерпает, а коалиция сокрушит республиканские армии, неизбежно встанет вопрос о монархии во Франции – вот тогда мы и вернемся.

Мысли мои были вполне оптимистичны, и под стать им я выбрала коралловое платье. Но этот яркий цвет мне не очень-то сейчас подошел – слишком подчеркивал бледность лица и круги под глазами. Увы, беременность все же меня не красила. Я пришла к выводу, что мне нынче подойдут более спокойные цвета, и надела платье мягкого серо-жемчужного оттенка, простое, с завышенной талией. В качестве верхней одежды с этим нарядом будет отлично сочетаться изящный просторный спенсер английского покроя.

Марианна причесала меня согласно новой моде: золотистые завитки надо лбом, основная масса волос поднята вверх и заколота декоративной иглой а ля грек, концы тоже завиты и пышно уложены с небрежной живописностью – прическа очень мне шла и подчеркивала красивые линии шеи. Едва служанка отложила гребень, скрипнула дверь, и звон шпор раздался позади меня.

Я увидела в отражении зеркала своего мужа и знаком отпустила горничную.

Александр стоял посреди спальни, не сводя с меня глаз. Я сразу поняла, что он пришел проститься. На голове у него была черная широкополая шляпа, украшенная пером, складки темного плаща ниспадали, скрывая отвороты высоких ботфорт, за пояс с массивной серебряной пряжкой, стягивающий кожаную португую, были засунуты пистолеты. Под плащом угадывалась длинная шпага.

Я шагнула к нему. И он тоже двинулся ко мне, порывисто наклонился и коснулся губами моих губ.

— Уезжаете? – прошептала я, поднимая на него глаза.

— Да. Люди уже ждут меня.

— Ваш брат тоже готов?

— Нет. Он задержится здесь еще на неделю, присмотрит за замком.

Во дворе действительно было шумно. В спальню долетало ржание лошадей, разговоры шуанов. Александр улыбнулся:

— Анна Элоиза меня благословила – словом, все, как полагается.

— Это радует, – проговорила я, глядя его по щеке.

— Теперь очередь за вами, *carissima*.

Не отвечая, я обхватила его обеими руками, сильно прижавшись лицом к его португее. Я вдыхала его запах, такой родной и возбуждающий, и, казалось, не могла насытиться. Перед этим часом разлуки мы провели несколько ночей в одной постели. Он был еще не совсем здоров и не совсем силен, но, овладевая мною, обрушивал на меня столько неистовых и терпеливых ласк, был так изощрен и изобретателен, что сейчас во мне была по-женски удовлетворена каждая клеточка тела – всю меня он словно напоил наслаждением. Даже в этот миг, вспоминая об этом, я могла почувствовать внутри себя сладкие судороги. Второго такого мужчины на свете нет. И вот мы должны расстаться... о Боже, как же мне отдать его, отпустить на смерть?!

Он обнимал меня за плечи, терпеливо ожидая, пока я справлюсь с чувствами.

— Дорогая моя, я оставляю здесь пятьдесят человек. Это самые верные мои люди, и они будут защищать вас до последнего.

— Вы полагаете, я приму бой? – прошептала я с печальной улыбкой, все так же не отрывая лица от его груди.

— Нет. Я уповаю на то, что Белые Липы сохранит от этого Господь. Но в жизни всякое бывает, и если сюда забредет рота каких-нибудь голодных синих оборванцев, которых сейчас много в Бретани, они не смогут причинить замку вред. Кроме того, я хочу, чтобы вы были защищены и от тех синих чиновников, которые, может быть, захотят взять мою семью в заложники.

Я встревоженно спросила, вскинув на него глаза:

— В заложники? Думаете, это возможно?

— Здесь, в Белых Липах, – нет, – многозначительно произнес Александр. – Здесь вы защищены. Но в Сент-Элуа такой защиты нет, и вам не следует туда ездить. Дорогая моя, нельзя позволить синим ударить меня по самому чувствительному месту – по вам и нашим детям. Оставайтесь все время здесь, как бы вам ни хотелось поколесить по Бретани.

И все же его лицо было искажено беспокойством. Я тихо спросила:

— Вы еще чем-то встревожены?

— Сюзанна, знаете ли вы Фан-Лера?

— Даже очень хорошо, – ответила я, вспоминая ночь, проведенную в его вонючей хижине.

— Если вам будет трудно, скажите ему, и он очень быстро найдет меня. Я приеду, чего бы мне это ни стоило.

Я молчала. Он повторил более настойчиво:

— Я приеду, Сюзанна. Зовите на помощь тотчас, как только будет нужно.

— О, Александр, да разве дело во мне? Подумайте лучше, как сохранить себя.

Он поцеловал мои руки одну за другой.

— Да-да, – настаивала я, – берегите себя, господин дю Шатлэ. Если вас снова доставят сюда в том виде, в каком вы были два месяца назад, мне вас не собрать заново.

— Нет другой такой замечательной жены на свете, – произнес он улыбаясь.

— Ловлю на слове, любимый. Обещайте мне кое-что.

— Обещаю заранее все, что вам угодно, госпожа герцогиня.

Я потянулась за шляпкой и спенсером.

— Мне хочется проводить вас, Александр.

Его лицо на миг омрачилось. Он хотел возразить мне, приведя, видимо, в качестве доводов то, что не стоит разыгрывать перед шуанами сцену прощания – дескать, далеко не каждый из повстанцев тащит за собой жену до самого места сбора, зачем же предводителю делать это? Но я предвидела подобные возражения и взмолилась:

— Вы обещали, мой дорогой, не отказывайтесь теперь от своего обещания, прошу вас! К тому же, я, конечно, не буду осыпать вас поцелуями на виду у вашего войска. Я поеду только до места сбора, и поеду в коляске, позади.

— Стоит ли вам так утруждаться, Сюзанна? Что это изменит?

— Я хотя бы увижу, в каких условиях доведется вам сражаться. Может быть, сердце мое будет от этого спокойнее.

Ребенок шевельнулся во мне, едва я произнесла эти слова. Взяв Александра за руку, я быстро приложила ее к животу, желая, чтобы он ощутил своего малыша. Он обнял меня, не отнимая руки. Ребенок подвигал ножками и затих. А в меня будто спокойствие вливалось от прикосновения сильной руки мужа.

— Слышали? – шепнула я. – Реми Кристоф, похоже, поддерживает меня.

Александр, вздохнув, кивнул.

— Я могу убивать людей на войне, но отказать беременной жене у меня нет мужества. Вот сила женщины! Хорошо. Поедемте, Сюзанна. Если вам угодно взглянуть на шуанский быт, так и быть, устроим вам напоследок это развлечение.

...Отряд шуанов двигался с уверенностью людей, которым знаком каждый туаз дороги, каждый камень под ногами. Молодцы из нескольких приходов, собравшиеся под командованием братьев дю Шатлэ, на добрый лье удалились от поместья Белые Липы и через час утомительного пути подошли к группе массивных монолитов – каменных столбов святилища друидов. Тут тропа спускалась вниз, растительность становилась гуще. Мне пришлось покинуть коляску и опереться на руку Фан-Лера. Шуаны свернули в сторону и по крутому откосу, поросшему густыми лиственницами, начали спускаться в лощину, на дне которой было слышно журчание ручья. Они продолжали спуск, пока снова не оказались на ровном месте и впереди смутно не замаячили служебные постройки хозяйской усадьбы.

Здесь один из шуанов трижды прокричал совой. Подождав, он повторил тройной клич.

Из леса стали доноситься подобные повторявшиеся клики. Они извещали о том, что ранее распавшийся отряд собирается на этой поляне воедино. Вскоре то там, то тут под дубами и лиственницами я стала замечать людей, у которых был вид отдыхающих перед сражением.

В доме распахнулось окно. Во двор, выложенный булыжником, вышли двое мужчин. В одном я узнала графа де Буагарди. Другой, низкорослый молодой человек, почти карлик, был мне незнаком.

— Шевалье де Сен-Режан, – представил мне его Александр. – Верный воин короля, способный круглый год жить в хижине углежога, как живет сейчас, но не сдаться.

— Это пустяки, бригадир, – отозвался тот. – Мои люди живут в траншеях, укрытых ветками, торфом и листьями... Мы жаждали вас, господин герцог! Слава Иисусу, теперь вы в добром здравии.

Сказав это, он учтиво поклонился мне:

— К вашим услугам, сударыня. Я Сен-Режан, но все называют меня просто Пьеро.

Я машинально ответила на поклон, стараясь не показать, что его внешность поразила меня. Ладно бы рост... Но все его лицо, нервное, как бы кривляющееся, невозможно было забыть. Большеротый, в гусарском доломане, грязный, остроносый, с болезненным фанатичным блеском в глазах, он был вызывающе некрасив. Шутовское прозвище Пьеро, пожалуй, еще мягкая кличка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.